

ПЛАМЯ, ДАРУЮЩЕЕ ЖИЗНЬ

— ПРАВДА О ПОДРАЖАТЕЛЕ ЗАКОНА —

ЕЛЕНА САННИКОВА

18+

Елена Санникова

Пламя, дарующее жизнь

<https://litres.ru/73246903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уже 15 лет мир, в котором живут Елена, Макс и Валерия, погружен в войну за свободу некогда великой Игнис против Восточного Крета. Когда все перевернулось с ног на голову, они были беспомощными детьми, теперь же ими движет не только желание выжить, но и месть, вина, желание отыскать родных где-то по ту сторону границы.

Люди давно привыкли к постоянной боли, а их свобода органично вписывалась в непреступные стены Игнис, пока однажды в руки Валерии не попал дневник неизвестного с заголовком "Правда о подражатели закона".

Что это за правда и кто такой этот подражатель? Эти вопросы не выходили из головы героев. Но у кого спросить, если автор дневника скорее всего погиб в разрушенном городе Бротлэнд?

Содержание

Обещание	4
Город мертвецов	20
Логово	49
Временные пункты спасения	64
День Памяти	82
Под контролем	127
С благой целью	136
Границы настоящего мира	153

Елена Санникова

Пламя, дарующее жизнь

Обещание

12 августа 2027 года. Город Ива.

— Нечего тебе здесь делать! — смело пригрозила кареглазая девочка в пижамном костюме. Она прижала к себе своего плюшевого мышонка и, не моргая, смотрела из приоткрытого окна детской в черноту увитой виноградными лозами изгороди. Со второго этажа дома не сложно было храбриться.

Девочка кусала губы и не выпускала из внимания мрачные силуэты. Тени ложились на синеватый газон булькающими сгустками и извивающимися щупальцами, которые непременно схватили бы малышку за ногу и утащили бы за собой.

Она шмыгнула носом и обратила взгляд к мышонку, покачав кудрявой головой.

— Тебе не страшно, Винчи? — Она помолчала, убедилась, что никакая из теней так и не двинулась с места, и снова заговорила. — Вот и мне не страшно.

Видение стало рассеиваться, как вдруг с улицы послышался лязг и глухой удар, будто мешок упал на асфальтовую дорожку. Черные силуэты отделились от изгороди, слились с верандой, а потом совсем отчетливо возникли перед ней. Де-

вочка уже не сомневалась, что все это ей не показалось: там кто-то был. Мама всегда учила, что нельзя подходить к открытому окну, чтобы никто, не позволив им это Создатель, не увидел малышку.

Она слезла с подоконника, задернула шторы и запрыгнула на кровать, стряхнув со стены нарисованный портрет семьи. “Мама, Винчи и я. Елена Леман, 7 лет,” — было написано на листке старательным детским почерком.

Было темно и тихо. Ни единого шороха не было слышно из-под мягкого одеяла. А что, если сейчас высунуть ногу, и ее сразу же заметят и схватят тени, которые только и ждут, что она покажется из укрытия? А что, если сейчас выглянуть, а в комнату снова пробрался кто-то чужой?

Сердце все не переставало вырываться из груди. Малышка выглянула из-под одеяла. У нее есть хотя бы Винчи. А мама-то там совсем одна! Карие глаза сверкнули накопившимися слезами. А что если маму заберут? Как тогда отца...

Елена выскочила из комнаты, прижимая к себе мышонка, и на цыпочках побежала по коридору. Эти два метра казались самыми длинными в ее жизни. Тени хватали ее за ноги, прибавали к полу, ставили подножки. Колени дрожали, не прекращая.

Дверь в комнату матери была приоткрыта. Там чужой мужской голос тихо говорил о чем-то непонятном, но очень серьезном. Елена слышала холодный и жесткий тон матери, присущий ей только в очень важных рабочих разговорах по

телевизору.

— Это письмо и есть доказательство договора совета с Восточным Кретом, — с жаром говорил мужской голос, — Это переворот, Катрин. Восточный Крет, считай, уже захватил Игнис.

— Аудит Нортхем, я давно покинула должность, не пытайтесь впутать меня в политические интриги. — женщина выпустила в воздух горький сигаретный дым.

— Мы все уже втянуты в это по воле тех, кто поддержал идею революции.

Катрин сжала сигарету между пальцев, а потом ткнула ее в пепельницу рядом. Елена видела, как неестественно прямо застыла мама, будто ее тоже пугали тени. Похоже она настолько сосредоточилась на собеседнике, что совсем не слышала, как дочь шепотом позвала от двери.

— Аудит Нортхем, я повторю еще раз. Я больше не имею никакого отношения к правительству и совету. А вы передадите секретную информацию в обход закона. У вас в совете должно быть достаточно компетентных дипломатов. Так обращайтесь за помощью в налаживании международных отношений к ним.

— Катрин, — вдруг мужчина повысил голос, а Елена вздрогнула от неожиданности. — Я знаю, почему ты оставила должность. Но я пытаюсь спасти тебя и твою дочь, пока могу! Я обещал это твоему мужу. В совете не осталось наших союзников, они просто исчезли, угадай, чьими старани-

ями. Тех, кто будет сопротивляться, не оставят в покое. И тебя тоже.

Возникла пауза. Елена сделала быстрый шаг навстречу матери и вновь позвала ее, на этот раз женщина резко обернулась. Выражение ее лица проявилось из полутьмы: она смотрела озлобленно, на переносице образовалась морщина от сведенных бровей, а на левой щеке осталась влажная дорожка от слезы. Она выглядела, как шипящий кот, загнанный собаками в угол.

Елена тотчас же обхватила маму так сильно, как могла, чуть не сбив ее с ног.

— Поговорим позже, Норт... — уже очень мягко сказала Катрин, словно не она только что отчеканивала каждое слово. Звонок прервался, и лицо аудита пропало с экрана. А женщина присела рядом с дочерью на корточки и посмотрела в ее лицо.

— В это время нужно крепко спать, Елена, — с ноткой строгости в голосе пробормотала женщина себе под нос. Елена не сдержала слезы и тоже заплакала, наконец ощутив себя в безопасности. Она уткнулась в плечо мамы и прижала к себе Винчи еще крепче.

— Там кто—то ходит в темноте, мама.

— Тебе привиделось вот и все, слышишь, милая?

— Но я видела из окна!

— Давай-ка спать, ладно? Пойдем, я побуду с тобой, пока ты не уснешь.

Девочка закивала, утирая слезы с щек. Она взяла маму за руку и повернулась к двери.

Поскорее бы уснуть. Утром засветит солнце, и дворик, огороженный высокой изгородью, снова станет светлым и уютным.

Когда Елена уже переступила порог своей комнаты, на первом этаже дома что-то чуть слышно щелкнуло. Катрин вздрогнула и обхватила плечи девочки, посмотрев ей в глаза тем пугающим взглядом, как будто вдруг что-то поняла.

— Проклятье! Прячься, как я учила.

— А ты? Мама...

— Сейчас же! Прячься, Елена! — страшным шепотом перебила мать.

Катрин рывком открыла шкаф, толкая туда свою дочь, а плюшевый мышонок упал на пол.

Елена упиралась. Она кричала и хватала маму руками, но та уже прижала дверцы шкафа спиной снаружи и приказала молчать. Девочка не понимала, на самом ли деле мама повторяет: “прячься, не бойся, беги...” — или это кто-то шепчет среди одежды, пугая ее специально.

Поддавшись приказам, Елена толкнула ногой потайную дверцу, которая скрывала лестницу в подвал, а оттуда — на улицу, укромный детский уголок для игр. Но тогда это не было похоже на игру в прятки. Елена обернулась, чтобы вновь

позвать маму, но не успела ничего сказать.

Катрин Леман замерла посередине комнаты в немом безумии. По ее бледной щеке медленно стекала густая лента крови из дыры во лбу. Ее тело упало с глухим шумом, вздрогнуло в последний раз и ослабело. Лужа крови медленно приближалась к шкафу...

Это последнее, что Елена успела увидеть в щель между дверцами. Ее губы дрожали, а слезы крупными каплями собирались в глазах, голос как будто пропал. Елена толкнула дверцу шкафа, но та была заперта снаружи. “Прячься, не бойся, беги!” — звенело в ушах. Девочка скрылась в темноте под топот тяжелых ботинок в коридоре.

Дом горел всю ночь, а утром от его праха все еще вздымался столб дыма. Пожарные не приехали. Елена смотрела на это из кустов, прижавшись спиной к холодной изгороди, и плакала до тех пор, пока не решила искать помощи.

Только было не у кого. Вдоль серых бордюров дымили и полыхали соседские дома и машины, а небо, еще черное на западе, разрезала полоса ярко красного восхода, похожая на один огромный пожар, поглотивший землю. Не было больше ни соседских двориков, ни детской площадки.

— Мама, — звывала Елена, потерянно озираясь и растирая по лицу коготь.

Где ее дом? Которое из кострищ было им еще ночь назад? Это был сон, самый страшный и безжалостный, потому что все никак не кончался, и мама никак не приходила успо-

коить, а ведь обещала, что побудет рядом.

Елена не сдвинулась с места, когда на дороге появились автомобили с мигалками, она обессилено смотрела перед собой и даже не пыталась убежать или сказать что-либо, когда взрослые подняли ее на руки и усадили на заднее сидение. Какая разница, куда везут, когда даже не знаешь, где ты.

Мужчины говорили на незнакомом языке и курили в салоне, а один из них постоянно пытался разговорить ребенка, но безуспешно. Елена не могла пошевелить ни мускулом, застывшего тела, но судорожно пыталась понять хоть слово, что ей говорят. Ей удалось разобрать только слово “Рехет”.

20 сентября 2027 года. Город Рехет.

В маленькой темной кухне беседовали муж и жена. Женщина листала в планшете ленту новостей, театрально, нараспев читая заголовки и выражая свое возмущение вздрагиванием плеч. А напротив нее сидел мужчина, кусая костяшку указательного пальца. Его уставший взгляд был направлен в приоткрытую дверь.

— “Восточный Крет против переговоров”, “Военные действия ведутся в Северной части Игнис”, ты слышишь? — сокрушалась женщина, вскидывая руку. — О каких прорывах думают в совете? О каком вообще мире может идти речь, ко-

гда их король... Уничтожь его Создатель... Уже! Нет, я еще раз тебе повторю, ты не слышишь меня. Уже в столице. Второй аудит пытался вразумить своих коллег, но исчез сразу, как стал неудобным для них, интересно почему?

— Держи себя в руках. Дети услышат, — мужчина указал подбородком на дверь, переведя взгляд на жену, — Я вернулся ненадолго. Не все так просто. А от того, что ты палишь в воздух ничего не изменится.

— Конечно, не изменится. Ведь ты меня не слышишь. Скажи своему главнокомандующему, что у него смелости не хватит лично пойти на передовую.

— Или дурусти, — мужчина горько усмехнулся и взял жену за руку, опустив ее на стол. Ногой он неконтролируемо отстукивал тревожный ритм. — Нам сейчас нужно остыть. В частности тебе, родная.

Она замерла. Обеспокоенный и пустой взгляд мужа был таким пугающим, что пригвоздил ее к месту.

— Ничего не изменится, не потому, что тебя и других не слышат, а потому что за два года войн у нас уже почти не осталось средств и сил для отражения нового нападения, а тем более атаки. А майор Лебовски — пока единственный, кто владеет ситуацией... Дай сказать. Я ему верю.

— Владеет ситуацией? Твой майор не смог защитить даже Иву. Все эти города, слышишь, все люди, которые там жили, все творения Создателя погибли.

Муж быстрым движением подвинулся на стуле к жене и

крепко обнял ее, поглаживая по спине.

— Как видишь, и всевышние могут совершать ошибки, раз их творения уничтожают друг друга. Я не знаю, как подобрать слова, поэтому просто слушай. Рехет еще стоит, но...

— Но?

— Скоро сюда прибудут два взвода солдат. Я возьму командование и вместе со своими парнями встану на Севере.

— Погоди...

— Наши ориентиры отчитались, что госвойска Крета готовят диверсию. Приказано не начинать эвакуацию, чтобы не поднять панику. Враг не должен понять, что мы знаем об их планах. Мы накроем диверсантов на подходе к городу.

— Что ты... — женщина встала, ее лицо мгновенно побледнело, — Разве люди успеют уйти?

— Командование уверено, что мы сможем отразить нападение до разрушения города, — неосторожно ответил он, — Просто делай, как я говорю.

Оба посмотрели в сторону детской, чтобы убедиться, что дети заняты своими делами.

— Вы должны уехать.

Женщина часто моргала и мотала головой, будто не желая верить ни единому слову мужа.

— Что значит “вы”, родной? Ты хотел сказать “мы”?

— Ты все поняла. Ты заберешь Валерию и Максимилиана, а потом вы покинете этот город. Ничего не говори, — прервал он попытку жены его перебить, — Я уже собрал че-

модан с вашими вещами, папка с документами и адресами, куда вы можете обратиться, во внутреннем кармане. Вот мое удостоверение.

— А ты? — женщина почти не дышала, когда взяла документ, — Почему же ты не сказал раньше?

— Да послушай же! Я нарушаю приказ.

— Потому что сам понимаешь, к чему это приведет.

— Папочка, — в кухню вбежала маленькая Валерия, со светлыми хвостиками на голове, и радостно объявила, не выговаривая “л”, — Кто-то пришел!

Муж и жена переглянулись. Женщина притянула трясущейся рукой дочь и пошла в детскую, оглядываясь на входную дверь.

Отец прошел мимо Валерии и тогда сам услышал тихий стук. Достав из шкафа в коридоре пистолет, он прислонился к входной двери. На видеофоне было темно: в подъезде не было света. Мужчина насторожился и медленно приоткрыл дверь, а потом резко спрятал пистолет за спиной.

На него смотрела худая девочка в явно больших для нее ботинках и грязной кофте с капюшоном. А на ногах — протертые на коленях пижамные штаны.

— Здравствуйте, — вдруг отчетливо прозвучал детский голос, немного хриплый, простывший. — Можно мне попить?

— Здравствуй. Да, — растерянно проговорил мужчина.

Только через несколько мгновений он пришел в себя и впустил девочку в квартиру.

Елена сняла грязные ботинки у входа и прошла внутрь, неслышно ступая по полу с носка на пятку, как крадущийся зверек. В тишине выпила воды, вытерла лицо запястьем и облизала губы, потом благодарно кивнула и повернулась назад. Пораженная этим женщина преградила ей дорогу и попросила пройти на кухню.

Девочка с жадностью бездомного съела горячий суп и выпила еще несколько стаканов воды. Ее волосы были запутаны и едва собраны в кудрявый хвост на затылке.

— Что ж, — вздохнула, наконец, женщина, переводя взгляд со своих детей, выходящих в проходе кухни, на незнакомку. — Как тебя зовут? И... Откуда ты такая?

Елена смотрела на дно тарелки, пальцами вылавливая оттуда кусочек моркови. Вопросов было достаточно много для вымотанного ребенка, но она ответила сразу.

— Потерялась.

— О, Создатель, какой же ты время выбрала для этого... — вздохнула женщина — Какой твой адрес? Улица и дом?

Женщина старалась говорить спокойно, чтобы не напугать ребенка еще больше, хотя прекрасно видела перед собой бродяжку в чужой одежде, а не только что пропавшую малышку.

— Родной, скажи же.

Мужчина тенью стоял у окна.

— Время, — напомнил он. Его мрачный голос вновь опрокинул реальность на головы.

— Так, — женщина осмотрелась по сторонам, словно пыталась составить план действий, а потом указала на девочку, — Послушай, нам нужно уходить, но я не могу тебя просто так оставить. Поступим так, мы возьмём тебя с собой и по пути отведем к родителям, хорошо?

Елена кивнула с облегчением, послушно умыла лицо и глубоко втянула носом запах намыленных ладоней прежде, чем ополоснуть их в воде. Она слышала, как дети спрашивают, пока мать помогала им одеваться: “Мамочка, кто это? Почему она такая грязная, мамочка?” — но ей, наверное, было все равно.

В детской она села на колени, сложив на них ладони и удивленно наблюдала обстановку, будто впервые видела книжные полки, кровати, пол, усыпанный кубиками. Ее взгляд зацепился за плюшевые игрушки, рассаженные на полке, и Елена потянулась было к ним, но быстро обрела свою замкнутость.

— Что думаешь? — спросила мать у отца, взволнованно наблюдая за неожиданной гостьей.

— Сначала я решил, что это ловушка. Мало ли кому необходимо, чтобы им открыли дверь без вопросов. Это все очень не вовремя, понимаешь?

— Нам нужно уходить сейчас же. Вот, что я понимаю. Но не хочу... — выдавила женщина, ее плечи дрожали, а глаза

были полны слез.

— Уходите на вокзал сейчас, садитесь на любой поезд. Просто покажи мое удостоверение, и вас проводят, поверь, — в голосе мужчины чувствовалась нервозность, когда он говорил это, не сводя глаз со своих детей. С ними нельзя было прощаться.

Женщина накинула плащ и сунула в карман удостоверение и ключи.

— Мама, а куда мы? — встрепелась Валерия.

— А она с нами? А как тебя зовут? — вскрикнул Максимилиан.

— Да, мои солнышки. Это... Это сюрприз, — голос матери дрогнул, когда она встретилась с отстраненным взглядом Елены. Девочка молчала, будто знала, что никакого сюрприза не будет.

Отец улыбался малышам, присев на корточки. Он подзывал их к себе и обнял, поцеловав каждого в лоб. Такие крохотные они были на его коленях.

— Слушайтесь маму, — сказал он, сглотнув ком в горле.

— Я буду лучше слушаться! — сразу сказал Максимилиан скорчив рожицу сестре.

— Нет, я, — скорчила рожицу Валерия в ответ. Дети показали друг другу языки.

Муж обнял жену, боясь смотреть ей в глаза. Он попросил ее беречь детей и себя в первую очередь, никому не доверять и ехать как можно дальше, может быть даже в другую страну.

— Посмотри на меня, родной... — умоляюще попросила жена.

— Если посмотрю, то не смогу отпустить, — он с огромным трудом ослабил объятия. — Ну, все, малышня. Давайте бегите на улицу. Папа будет скучать!

— Пока, папочка, — крикнула Валерия, хватаясь за мамину руку.

— Пока-пока, — вторил ей Максимилиан, махая рукой отцу.

— До свидания, — кротко добавила Елена, склонив голову перед мужчиной в огромной благодарности и добавила такое жуткое слово, — Надеюсь.

Стоило женщине с детьми выйти на улицу, как раздался первый отдаленный раскат грома, на асфальте потемнели капли дождя. Она сочувственно взглянула на Елену и надела на нее свой плащ, чтобы та не промокла. Было уже сумрачно, фонарные столбы по обыкновению не включали, все время казалось, что рядом кто-то еще. Мать очень торопилась, от волнения не замечая, что дети не успевают. Через некоторое время их вопросы перестали быть увлеченными и радостными. Стук дождевых капель по крышам перебил гулкий выстрел. По улицам побежали люди. Сначала отдельные фигуры, затем несколько, и вот — уже целая толпа.

Елена вертела головой в разные стороны, когда потеряла из виду добрую женщину с чемоданом, она схватила за руки малышей и прижала их к себе, а те начали кричать и

звать маму. Их толкали и уносили потоком вперед. Все перед глазами мелькало. Елена сжала зубы и потащила малышкой к краю дороги, ближе к стенам зданий.

— Валерия! Максимилиан! — еще слышался голос матери из толпы. — Стойте на месте! Я найду вас!

Звук выстрелов породил крики и визги в толпе. Младшие замерли и плакали от испуга, не желая слушаться Елену, когда та пыталась утащить их в переулок между домов.

— Пошли! Пошли! Скорей! — кричала она, хватая их за руки и пытаясь увести за собой. — Слышали? Мама придет!

Гром, стрекот выстрелов, крики толпы, шум ливня, — все пугало детей, которых Елена старательно подталкивала залезть на груды ящиков по скользкому брезенту.

— Ма-ама! — протяжно ревела Валерия, сидя внутри одного из ящиков.

— Она придет! Мы сейчас ее подождем, ладно? Правда, правда! — пыталась перебить ее Елена, которая самая дрожала всем телом. — Макс, и ты не плач! Ты должен защищать сестру. Ты же ее братик.

Она встряхнула мальчишку за плечи, а потом накрыла всех брезентом.

— Да, — хлюпнул он.

— Тогда... Давайте поиграем, — придумала Елена, — Поиграем в прятки, видите какое у нас укрытие? Надо сидеть тихо-тихо, и тогда нас сложно будет найти.

— А как мама нас найдет?

— Найдет! Мы услышим ее и сразу выйдем.

— Обещаешь? — спросил Максимилиан.

— Обещаю, — тихо сказала Елена и сама не сдержала слезы, которые хлынули из глаз неконтролируемо. Она знала, что нельзя выходить на улицу, что нельзя кричать и двигаться, иначе заметят. Но хуже всего то, что она знала правду. Знала, что мама, скорее всего не придет. Девочка дрожала, крепко держа малышей под руки, в темноте они не видели, что старшая плачет, а значит, все еще играли.

Город мертвецов

12 августа 2042 года. На окраине города Бротлэнд.

— Лучше бы они внимательней обыскали дом, - прошептала Елена.

История этой даты никогда не покидала голову, постоянно поддерживая пламя ненависти.

Пламя...

Игнис — теперь уже призрак бывшего государства, название которого раньше означало “Пламя, безудержное и живое, всепоглощающее и дарующее жизнь”. А теперь - “Пламя ненависти, сжигающее изнутри душу каждого”. “Пламя мести”.

Так и эта страна когда-нибудь сгорит в собственном пламени.

Городок у урановых шахт, в котором сегодня остановились разведчики, разрушен бомбами Восточного Крета, а души погибших будто все еще витают где-то в воздухе. Именно в такие моменты воспоминания о прошлом приходят в голову, подкидывая сухих веток в общий костер.

Механические часы на запястье недавно отмерили час до полуночи. Елена затушила сигарету в пустую алюминиевую банку и бросила взгляд в свое отражение в грязном окне полуразрушенного дома. Она послунявила палец и вытерла са-

жу со впалых щек.

Холодно. Только солевые грелки в карманах дарили тепло. А впереди еще час караула в компании неприятных мыслей.

Трое разведчиков в защитных костюмах и масках вышли из тени здания на углу улицы.

Пока они двигались вдоль бетонных кладбищ, двухэтажки сменяли друг друга. В своей безжизненности они отличались только степенью разрушений: чем дальше от центра, тем труднее было различить в руинах жилой дом.

В каждом оконном проеме сознание рисовало силуэты: они широко раскрывали рты, но не издавали ни звука, прикрывали головы руками, прятались под стол. Молились.

Эхо разносило рассыпающиеся под ногами камешки.

— Эй, кэп, что там по связи? Долго мы еще тут втроем будем ковыряться? — голос Макса недовольно пробурчал в наушниках Елены. Она закатила глаза.

— Отряд из семнадцатого пункта как сквозь землю провалился. Поймаю их волну как только, так сразу.

Макс щелкнул переключателем фонарика и как бы в пустоту бросил:

— Херовое они выбрали время, чтобы пропасть.

Ему хотелось бы продолжить возмущаться о том, что за-

явленное подкрепление опаздывает уже на сутки, но что-то среди обломков привлекло его внимание. Он сделал пару шагов назад и направил фонарик на груды камней. В наушниках раздалось глухое ругательство, побудившее и Елену обернуться. Увиденное будто выбило слово “взяли” из ее горла.

Макс кивнул и поднял бетонную плиту с одной стороны, а Елена — с другой. Взметнулось облако пыли, сквозь которое их напарница с ужасом наблюдала тело.

Искореженная детская ручка тянулась оттуда к свету фонаря, будто хватаясь за воздух и пытаясь найти путь к свободе. Маленькие пальчики с изодранными в кровь ногтями сжимали камень.

— Тащи, давай... — Елена уже чувствовала, как плита соскальзывает с рук, — Валерия, ну же!

Валерия вздрогнула и в последний момент перед тем, как плита рухнула обратно, вытянула на свет совсем еще маленького мальчика. Точнее его недвижимое полуразложившееся тело. Его кожа была серой, в пыли, плечо неестественно свернуто назад, а лицо — такое спокойное.

Елена встряхнула руками и села на колени рядом с мальчиком, заметив ступор напарницы.

— У него в груди осколок. Так далеко от места взрыва... — она сделала запись в блокноте и попросила Валерию сделать фото.

Потом сдвинула ноги ребенка, положила здоровую, на-

сколько ее можно было так назвать, руку вдоль туловища, и протянула ладонь к напарнице.

Валерия не могла отвести взгляд от детского лица. Воздух внутри ее маски стал душным.

— А если...

— Он мертв, — Елена взяла пинцет и стерильный пакет из ее рук и вынула почерневший металлический осколок из-под ребра.

— Он же еще ребенок. Мы должны были успеть его спасти, — Валерия шмыгнула носом и с усилием подавила дрожь в голосе, — Под плитами могут быть еще люди.

Елена поморщилась, когда в наушниках заскрипели причитания. Она шумно выдохнула носом и повернула в сторону изначальной цели.

— Валерия, ты же знаешь алгоритм осмотра территории. Я предупреждала, что так здесь все и будет. Закончим операцию и вернемся без лишних, — она вздохнула и отдала Макс пакет с осколком, — Эмоций. Думай о том, что он умер быстро и ничего не понял. А лучше вообще не думай и делай свою работу. До сих пор не понимаю, почему сержант Скопик назначил именно вас под мое командование. Это какая-то проверка на прочность?

Валерия обхватила живот будто борясь с очередным приступом тошноты.

— Я даже конечности ампутировала, но не знаю, почему-то сейчас все по-другому, не так, как в больнице, прости, — од-

ними губами произнесла она и обернулась к Макс, — Когда поступил приказ о сопровождении, я думала, что будет легче, оттого что ты рядом.

Макс похлопал ее по плечу и подтолкнул вперед.

— Расслабься, сестренка.

— Расслабься? Это твой совет? Мы здесь уже будто вечность. Тут воняет гарью, гнилью и разложением, а люди, которых нам удастся найти, погибли. Все, как один.

— Именно, к этой херне нужно привыкнуть. Поторопимся, — Макс указал на удаляющуюся фигуру старшей разведчицы, — Ты же сама хотела, чтобы тебя отправляли на операции, медсестричка? Вот и занимайся своими делами, пока мы рядом. И не ной лишний раз при Елене, а то другого шанса выйти за пределы пункта у тебя может и не быть. Особенно если из-за нас она провалит задание Скопика.

Макс бросил последний взгляд на бетонную плиту, отдал пакет с осколком сестре и двинулся дальше, смотря по сторонам.

Мимо них мелькали бывшие дворы, городская площадь, автобус. Перевернутый. Не хотелось закрывать глаза, даже моргать не хотелось. Ведь как только это случалось, на том же месте возникали фонтан, остановка, школа, дворник, очередь в магазин, женщина, коляска, музыка из приемника и старая хромая собака. Бротлэнд возникал. И его люди, которые зывали к Создателю, но он их не слышал, или не хотел.

Жуткие надписи белой краской на уцелевших стенах тре-

вожили воображение: “глаз,” “нет смысла,” “нет спасения”. Жители Бротлэнда будто заранее знали, что произойдет и нуждались в помощи, но почему не просили?

— Чем дальше от центра, тем больше этих каракуль, — сказал Макс, заглянув за угол, он простучал пол, подавая знак возможным выжившим в подвале.

— Это... Странно, — заключила Елена, — Просто запиши их на всякий случай. Скопику пригодятся эти подробности. Никогда еще такого сумасшествия не видела.

— Как же они страдали, — дрогнул голос Валерии, — А, как не страдать, когда на голову сыплются бомбы?

— Бомбы не сыпались. Это было быстро и одновременно, так что бротлэндцам повезло умереть в трезвом уме. Ну, почти всем, — поправил ее Макс, — Это снаряды СМП. И слепому очевидно.

— Обойдемся без самодовольных речей, Макс, и завяжите болтать попусту.

— Повезло, что у тебя в отряде лучший сапер Кульграда, — даже из-под маски просачивалась ухмылка разведчика.

— Да. Жаль было бы везти его обратно по кусочкам, уймись.

Макс послушно замолчал, картинно разведя руками.

— Это та самая СМП, о которой писали в газете? — осторожно подала голос Валерия спустя пару мгновений, не в силах сдержать любопытство.

Елена обернулась на нее и кивнула.

— Система мира и порядка. Считает все в радиусе километра, и устанавливается мир и порядок, — она махнула рукой на мертвый город и резко обернулась на месте, от чего Валерия вздрогнула, — Уроды, мать их. — проклятье будто разорвало тягучий воздух, — Здесь кончается городская дорога, судя по карте.

— Не думал, что старшей разведчице нужна карта, чтобы понять, что дорога кончается именно здесь, — насмешливо сказал Макс, указывая на обожженные местами поля, покрытые густыми перелесками прямо перед ними, и тут же втянул голову в плечи.

Под летним небом было достаточно светло, чтобы разглядеть оставленные комбайны и маленькие деревянные постройки, которые, вероятно, использовались, как склады. Однако такая видимость не была отрядом на руку. Слева чернели треугольные крыши. Деревушка, наверное, чудом уцелевшая. А справа, ближе к горизонту, высился Скалейный хребет. Одно только его присутствие в поле зрения успокаивало сбившееся дыхание.

Отсутствие источников света, к счастью, не нарушало небесную звездность, слабую и равнодушную. Она манила к себе циничным молчанием и завидной неприступностью, но приходилось постоянно смотреть под ноги.

— Красивое место было, — прошептала Валерия и откашлялась.

— Итак. Мы сейчас на открытом месте, и откуда угодно могут вылупиться госвойска, — Елена осмотрела видневшийся темной громадой урановый рудник, на который пришелся самый сильный взрыв, — Наша задача сейчас обойти периметр того поселка в поисках выживших. Четко выполняйте инструкции, устройства Крета не трогаем, маски не снимаем, на связь с аванпостом можно выйти только в крайнем случае и только мне. Вопросы?

— А что делать, если мы... Все-таки наткнемся на госов?
— спросила Валерия.

— Все обойдется, — старшая разведчица смягчила голос, — Главное ступай с нами в ногу.

Елена жестом указала идти за ней вдоль поросшего жухлым боярышником оврага. Вперед идти метров пятьсот, а дальше — чуть больше трех километров по открытому склону. Замеченный днем грузовой автомобиль отмечал примерно половину пути. Елена шла первой, соблюдая скорость и не выпуская из внимания обстановку вокруг. Валерия и Макс следом.

Брошенный самосвал стоял прямо посреди грунтовой дороги, водительская дверь была раскрыта настежь, а в кузове громоздились канистры и ящики.

На обочине что-то темнело. Елена раздвинула колючие ветви и замерла на мгновение. Там лежал мужчина, лицом в землю. Она наклонилась, посветив небольшим фонариком, и выдохнула носом, закрыв глаза. Конечно, он мертв. Даже

если он споткнулся и упал, ударившись головой о землю, то просто задохнулся, пока был без сознания.

Вдруг что-то щелкнуло. Она рефлекторно схватила автомат, висевший на плече.

— Это я, — тут же остановил ее Макс, заглядывая внутрь самосвала.

— Стоп, — скомандовала разведчица.

— Да еще полно времени, кэп. Я только гляну, что внутри.

— Ничего не трогай. Ясно?

Макс кивнул и отошел от самосвала. А там, между сидений, привлекательно поблескивал приклад автомата.

Валерия сощурила глаза.

— Оно и к лучшему, Максимилиан. Занимайся своими делами, — девушка так язвительно произнесла полное имя Макса, что оно само собой превратилось во что-то крайне отвратительное.

— А тебе, я смотрю, стало лучше, да? — буркнул он.

— Вы хоть когда-нибудь прекращаете перебранки? Ни слова больше! — приказала Елена и направилась дальше. Валерия вздрогнула, а Макс чуть склонил голову. Замолчали.

Пока город оставался позади, цех с разорванным боком становился все отчетливее. Там же высились стальные дымовые трубы, и еще две неясные постройки. Черная дыра зияла в одном из блоков, будто громадный глаз, непрерывно наблюдавший за тем, как разведчики пересекали поле.

Когда отряд достиг окученного картофельного поля, шли

наощупь, без фонарей. Брошенные телеги и машины стояли прямо посреди дороги. Елена подняла кончиками пальцев край одного из мешков, что лежал в телеге, и пожала плечами, увидев внутри бытовые принадлежности. Было понятно, что местные основательно собирались уходить. Будто заранее знали, но все равно опоздали.

Или гос войска собрали все это?

Елена жестом приказала остановиться и внезапно повернула голову вправо.

Задержали дыхание, так что бы ни шороха. Макс пристально смотрел вперед, держа автомат на прицеле. А Валерия вжала голову в шею. Тишина проедала в висках ямы, пока вдруг ее не нарушили три удара, ритмичных и глухих, как стук сердца.

В доме. Елена указала Максу на угол, а сама в несколько шагов оказалась у двери с пистолетом в руках.

Макс схватил Валерию и взвел курок.

Стук повторился снова, но уже более отчетливо, прямо за дверью. Елена медленно взялась за дверную ручку. Кто-то был внутри, возможно, заперт, ранен или связан. По внутренней стороне двери поскребли ногтями, а затем отчаянно, но очень тихо, болезненно простонали. Елена дернула дверную ручку и направила пистолет внутрь. Из темноты на нее рвануло разъяренное и шипящее животное, и разведчица едва успела ослабить нажатие на курок.

— Отставить, — часто дыша сказала Елена и проверила

напарников.

Не опуская оружие, Макс склонил голову на бок, одними глазами следя за передвижением напуганной до смерти кошки, которая тут же шмыгнула в сарай. За его спиной Валерия даже не смела выглянуть, она все время оглядывалась назад.

— Думаешь, там кто-то... — начала она, но Макс шикнул на нее через плечо.

Когда Елена шагнула в дом и включила тусклый фонарик, направив его в пол, Валерии стало еще тревожней, она с силой схватилась за ремень поясной сумки и стиснула зубы.

Внутри все выглядело так, будто в дом ворвались воры: шкафы раскрыты, а полки пусты. Елена нахмурилась, шумно выдохнула носом и вышла, задумчиво осмотревшись по сторонам. Ни разрушений, ни следов государственной армии Крета.

— Там пусто, — проговорила Елена, когда подошла к Макс, а потом положила руку на плечо Валерии, — Не понимаю. Кажется, люди успели покинуть поселок прежде, чем их нашли.

— Но где же они сейчас?

Елена пожала плечами. Где бы они ни были, их надо разыскать и вывести в безопасные пункты. Разведчицу не оставляло чувство надежды: отсутствие трупов — знак того, что люди могут быть еще живы. Елена сжала кулак и кивнула Макс. Без слов они поняли друг друга и разделились, направившись вдоль противоположных сторон дороги. Ва-

лерия заметалась на месте.

— Елена? — тревожно позвала она.

— Иди следом на небольшом расстоянии. И смотри в оба. Как что, можешь швырнуть мне под ноги это, — Елена указала дулом на камешек и пошла вперед.

Валерия шла следом шаг в шаг, но страх обуял ее так, что она не могла сосредоточиться, постоянно вертелась по сторонам от шороха к стуку. За оградами и окнами ей мерещились взгляды, но это были лишь отблески на стекле. После работы в Бротлэнде спящие домики тепличников наводили ужаса больше, чем развалины. Потому что казалось, что ничего не произошло. Вот собачья будка, а рядом миска. Дальше веревки с будто еще влажным бельем. И белый крест на столбе — больница.

Валерия всем телом встрепенулась и на цыпочках подошла ближе. Что-то влекло ее туда, глупость или интуиция.

Приложив ухо к двери, Валерия вся подалась в слух. Хоть что-нибудь!

“Би-лип!” Валерия подскочила на месте и навалилась на дверь, услышав короткий звенящий звуковой сигнал. Внезапно дверь под ее весом открылась и девушка с грохотом провалилась внутрь.

— Нет! — взвизгнула она, подтягиваясь на локтях с пола, когда дверь захлопнулась. Валерия рванула было к дверной ручке, но тут же отпрыгнула назад, подтянув руки к груди, — Стойте на месте! Я буду стрелять!

Медсестра неловко вытащила пистолет из кобуры на боку и направила его прямо перед собой в согнувшийся на полу у двери силуэт.

— Я не... — просипел он, и Валерия наконец разглядела скрюченное от боли и страха женское лицо. Она убрала пистолет и тут же припала на колени рядом.

— О, Создатель... Не бойтесь, я защищаю право Игнис, — заметив, как взглянула на вражеский шеврон женщина, протараторила она, — Я медсестра. Сейчас.

Она ровно усадила незнакомку, включила фонарик и без усилия убрала ослабевшую руку женщины с раненого плеча. Куртка в том месте была порезаной и потемневшей от запекшейся крови, а на самом плече была наложена повязка из марли.

— Пулевое, — пробормотала себе под нос Валерия и взглянула в пустые, и от того дикие глаза, будто прося разрешения, — Так, нет, сначала выяснить личность, намерения, пункт проживания... Пожалуйста, ответьте на мои вопросы. Имя, возраст, как давно вас ранили?

— Лилия, я тоже врач. Давно... больше суток... — просипела женщина и сильно закашлялась.

— Сейчас я сниму повязку и осмотрю вашу рану, Лилия. Где-то еще есть ранения? Сколько вам лет? Где остальные? — Валерия разрезала куртку на плече, сняла старую повязку и начала готовить новый препарат для обработки.

Лилия коротко качнула головой и зажмурилась, когда

спирт коснулся кожи.

— Не надо мне помогать. Они сказали, мне положено умереть, — болезненно прошипела она, сквозь сжатые зубы. Валерия медленно повернулась на нее в недоумении и осмотрела мокрое от пота грязное лицо.

— Кто? А, бредите... Уже почти все, потерпите. Пуля внутри, я пока наложу повязку, вынимать пулю сейчас нельзя.

Валерия замолчала, когда ей слышались невесомые шаги. Было темно, но медсестра отчетливо чувствовала, что они были здесь не одни. По спине пробежали мурашки. И в эту же секунду дверь легко отворилась, а на следы мокрых подошв и возни упал прямоугольник света.

Валерия торопливо схватила пистолет, но тут же выронила его. Сердце забилося где-то в горле, не давая вдохнуть. Она замерла на месте, вперившись в дуло автомата.

— О чем ты думала? — шикнула Елена с некоторым облегчением, — Кто это там?

Валерия подняла руки, рядом с ней стояла раскрытая сумка, лежал бинт, шприц с обезболивающим и бутылочка спирта.

— Ох, я чуть не умерла от страха, — прошептала Валерия, — Это Лилия. Я нашла ее здесь одну.

Елена и Макс переглянулись.

— Так, Лилия, здесь есть кто-то еще? — Елена присела на корточки и рассмотрела изможденное лицо раненой.

— Все ушли, кучу вещей взяли. И зачем? Я говорила, что это бесполезно, — выдавила она и с силой зажмурилась, когда Валерия вонзила иглу в ее кожу рядом с раной.

— О чем ты? Если ты что-то знаешь, говори сейчас же. Лилия облизала губы и медленно моргнула.

— Из какого вы пункта?

— Девятнадцатый, — пробормотала Валерия.

— Это хорошо. Значит ваш блок еще стабилен, — Лилия закрыла глаза и с силой зажмурилась, а Елена наклонилась ближе к женщине.

— Приди в себя и...

— Елена, — шепотом перебила ее Валерия, — У нее жар. Разведчица подняла брови и кивнула, согласная снизить градус настойчивости.

— Лучше умереть... чем быть спасенным на земле Игнис. Но я испугалась смерти, так долго старалась выжить, что испугалась, — просипела Лилия и откинула голову назад, в ее голосе слышались нотки истерики.

Рука Валерии дрогнула, она обернулась на Елену с застывшим выражением недоумения на лице, а потом на Макса. Он встряхнул головой и пожал плечами, но не придумал, что сказать.

Умереть, но не быть спасенной на земле Игнис? Это бесполезно? Слова будто со стен разрушенного Бротлэнда. Они звучат, как оскорбление. Звучат, как... разочарование? Одно точно было очевидным, Лилия была, как сумасшедшая,

одна из тех, кто вдруг начинал пророчить безвыходность и конец света.

Валерия ловко справилась с обработкой раны и наложила сверху повязку, а затем обмакнула капли пота со лба Лилии.

Елена взглянула на свои часы. Было решено остаться в больнице, пока Лилия не придет в себя, а до тех пор Макс и Елена обойдут оставшиеся дома и склады в поисках людей.

— Ты думаешь о том же, о чем и я, да? — спросил Макс, когда заглянул в одну из палат. Елена долго не отвечала ему. Она толкнула дверь в соседнюю и подозрительно изучила взглядом труп солдата в форме Крета.

— Лилии очень повезло уметь обращаться с оружием, но если она продолжит нести эту чушь, спокойно жить сможет только в больничке. В качестве пациента, конечно.

“Би-лип!” Елена и Макс резко сели на корточки и прижались к стене.

— Воздух!

Валерия вздрогнула и села рядом с Лилией, которая зажмурилась от боли в плече.

Елена обратилась в слух. Этот звук ни с чем не спутать: дроны здесь, а значит, и госы рядом.

Ждать долго не пришлось, и в конце коридора вдребезги разбилось квадратное окно. По длинному коридору мимо Елены и Макса прокатился дрон в металлической обшивке, поднимая за собой хвост пыли.

Лежал. Воздух тоже стоял неподвижно, никто не подавал

признаки жизни.

Валерия чувствовала, как сжалась грудная клетка, а в глазах помутнело. Громко сглотнув, она переставила руку и начала отталкиваться, чтобы встать, но Лилия схватила ее за локоть и пригвоздила к месту.

Внезапно дрон заискрил и заметался из стороны в сторону, замигал его зеленый индикатор. Валерия зажмурилась и услышала только металлический лязг, прежде, чем машина окончательно затихла.

Над ними возникла запыхавшаяся Елена.

— Глушилка? – спросил Макс, указав на магнит, которым Елена обезвредила дрона.

— Да. Давай, бери Лилию. Уходим отсюда сейчас же, — скомандовала Елена и подала руку Валерии.

— Откуда он, ржавая рухлядь, – Макс замер, его будто осенило, – Вот удача! Мы же можем вытащить из него запись всего, что он заснял. Вдруг там есть момент взрыва в Бротлэнде.

— Немедленно сваливаем. Дрон просматривают и прослушивают, за нами уже могли выйти гос войска Крета. Вперед!

— Ну, нет, — Макс вцепился в закрылок дрона и поднял его, — Он с глушилкой на брюхе ничего не сделает.

Елена пристально посмотрела на него.

– Заглушка не значит, что он безопасен.

Разведчики покинули больницу и быстро настолько, на-

сколько возможно было для раненой, поспешили к картофельному полю. Небо все еще было чистым, но отдаленный звуковой сигнал все не прекращал преследовать их. Он казался совсем близко, когда остановились, чтобы дать Лилии передохнуть.

— Можешь подхватить ее? — Елена бегло оценила взглядом все вокруг, раскачиваясь на правой ноге. Но ее голос стал резким, она почти крикнула, — Брось эту хрень!

В левой руке Макс крепко сжимал сбитого дрона и отпустить, видимо, не собирался.

— Елена...

— Брось, я сказала! Это приказ! — она подтолкнула Валерию, метнув яростный взгляд на Макса, который помог Лилии взобраться себе на спину и подхватил ее под коленями. Дрон все так же остался висеть на его пальцах, — Давай-давай, вперед!

Они промчались мимо ворот на старую дорогу. Бежали, не оборачиваясь. Валерия споткнулась, и Елена несколько метров тащила ее на плече. А когда невдалеке уже показался самосвал, разведчики заметили в небе еще одного дрона.

Макс запрыгнул в кабину и повернул ключ зажигания, Валерия помогла влезть Лилии.

Мотор дерганно рывкнул и заглох.

– Да чтоб тебя! – Макс ударил по рулю, а затем стянул перчатки. Пальцы, запястья и даже локти сковала неконтролируемая дрожь так, что даже схватиться за руль не получа-

лось. Разведчик сжал зубы, он смотрел на руки широко раскрытыми глазами, – Ну! Давай же!

Валерия тоже сжалась, видя, как Макс взглядом пытается заставить свои пальцы работать.

— Я помогу... – жалобно проговорила она.

— Вот рухлядь, – дрожащим голосом выругалась Лилия, сдвигаясь на край сидения, чтобы пустить Валерию. Она набрала воздух в легкие и надула щеки, пытаясь унять тряску во всем теле.

— Да похер, уходим в город, этот дрон точно будет атаковать, – крикнула Елена отходя спиной вперед, когда увидела, как запалили стволы из боковых секций дрона. Пули свистели мимо и стукались о корпус, грозя вот-вот пробить бак, – Отступаем из Бротлэнда, шифровка один-два-один, как слышите?! – передавала она в рацию, которая отвечала ей молчанием.

Воздух свистнул сквозь сжатые челюсти Макса. Он прикусил губу и с силой тряхнул руками, пытаясь успокоить дрожь.

– Не лезь, я справлюсь, – оттолкнул он Валерию и наклонился. С огромным усилием, будто сводя заржавевшие плоскогубцы, постоянно ощущая боль в мышцах, Макс выхватил нужные провода со штырем замка зажигания, – Посвети мне, ну!

Валерия судорожно выхватила фонарик и взвизгнула, когда лобовое стекло разбилось вдребезги.

– Эй! – крикнула Елена.

– Макс, прошу тебя, давай я помогу, просто скажи, что делать! Там Елена! Он же попадет в нее!

— Заработало, — перебил Макс, нервно ухмыльнувшись, когда мотор снова заревел, а фары ожили, — Заработало! Елена, залезай!

Разведчица едва запрыгнула в кузов на ходу, вытолкнув на дорогу одну из канистр.

Самосвал съехал с дороги и по ухабам понесся в поле, к перелескам.

Остановился только, когда пробило колесо, а упавшее дерево преградило дорогу. Пышные ветви лиственниц полностью скрывали небо. Когда пришла в себя, Елена с облегчением выдохнула. Она спрыгнула на вязкий мох, который полностью заглушал шаги, и осмотрелась: сквозь теснившиеся стволы кое-где просветами виднелась равнина. Что там снаружи происходило, было непонятно, лес съедал звуки.

Открыв дверь кабины, Елена тут же поднялась, поставив ногу на ступеньку. Она осмотрела напарников которые без сознания свесили головы, сняла маску и зажала в зубах фонарик, который только немного осветил лицо Макса. Под рулем что-то блеснуло, и Елена с ужасом заметила того самого дрона.

— Пронес. Так вот почему дрон пытался стрелять по кабине... Уничтожить улики хотел, — проговорила она, выбросила дрона в мокрый мох и вернулась к Максусу.

Сорвав с него капюшон и маску, девушка сунула руку ему за шиворот, и прижала пальцы к шее.

— Живой, засранец... — она наклонилась вперед, чтобы добраться до Валерии.

Тогда разведчица поняла, что кого-то не хватает, а именно раненой медсестрички из Бротлэнда. Сбежала, с пулей в плече, с жаром, с глупыми заявлениями!

— Какого хрена! Скопик с меня шкуру снимет.

Повторив все те же манипуляции с Валерией, Елена вышла из кабины и похлопала по карманам в поисках табачной скрутки, а потом резко закинула голову назад.

— Что ж, с закрытыми глазами это выглядит не так плохо.

В темноте спокойней, потому что только там на самом деле ничего не было. Убеждая себя в этом каждый раз, когда закрывала глаза, Елена старалась отогнать навязчивые мысли. Она потерла глаза и, вновь включив фонарик, направилась искать сухие ветки.

Спустя столько операций за границей пункта, спустя два самостоятельных задания в роли старшей ей впервые сложно командовать. Почему они такие? Почему Валерия не слушает, а Макс все время делает все по-своему? Откуда у них берутся силы и дурость спорить и подшучивать друг над другом? Даже стоя посреди Бротлэнда. Почему просто не могут следовать приказам? А ведь лучше всего им было остаться дома.

Знают, что в Логове безопасно, но все равно идут туда,

куда не следует.

Очередная сухая палка со звонким хрустом сломалась в руках Елены пополам. Она очистила ее от хвои, чтобы не дымила, и бросила в яму для будущего костра под деревом с широкой зеленой кроной.

Когда все уже было готово: Елена зажгла керосиновую лампу, чтобы не садить батарейки в фонарике, притащила бревно и поставила над костром треногу с котелком, — Макс и Валерия по одному выбрались из кабины.

Еды с собой было вдоволь, ее несли в надежде выходить выживших, но все под расчет, поэтому нужно вернуть в целости.

Паек разведчиков кончался, поэтому Макс отдал свой де-вушкам, а сам задумчиво жевал мягкие хвоинки, приходя в себя. Валерия сидела, протянув ноги к костру, кусала сухари и запивала их горячим бульоном из консервной банки, а Елена безуспешно пыталась подцепить занозу в ладони.

— Я дала Лилии обезболивающее, его бы хватило только до аванпоста... — сказала Валерия, разминая шею.

Медсестра говорила так, словно переживала о том, что сейчас с беглянкой. Это раздражало. Елена видела раньше тех, кто встретился со смертью лицом к лицу, но никто из них не был настолько осознанно-сумасшедшим, как Лилия. Наверное, она пережила нападение, поэтому ей и снесло крышу. Ее бы спасти и выходить, но искать не представлялось возможным, предписания четко обозначали возвра-

щаться в пункт безотлагательно.

Анализируя сейчас ее появление в пустой больнице на пару с мертвым солдатом Крета, разведчица пыталась понять, что у Лилии в голове. Как посмела говорить что-то настолько низкое о своей родине? И куда пошла? В пешей доступности только аванпост, кладбище Бротлэнда и граница Крета. Даже обойдя весь перелесок, Елена не обнаружила следов беглянки.

Сержант Скопик удивится докладу.

— Макс? Как твои руки? — Елена краем глаза заметила, как дрожит его левый мизинец.

— Да не парься, все в норме, — он спрятал кисти в рукава, — И, да, все-таки я был прав, когда обратил внимание на эту машину, — ухмыльнулся Макс, тогда Елена посмотрела на него исподлобья, выгнув брови. И наконец-то маска не скрывала горделивого огонька в его серых глазах, — Не так ли, кэп?

— Это все, что тебя интересует сейчас? — Елена оторвалась от своей занозы и наклонилась вперед, упираясь локтями в колени. — Идея с машиной хорошая, сегодня она нас спасла. Ты хочешь, чтобы тебя похвалили что ли? Проблема не в самосвале, ты пытаешься переключить внимание с другого. Я уже представляю, как генерал Лебовски садит нас в подвал по одиночке за то, что ты тащишь за собой эту хрень, — она махнула рукой в сторону дрона, — Из-за нее за нами и следовал дрон. Это нарушение предписаний, за кото-

рое Скопик, уж поверь мне, я знаю, устроит такую взбучку... Жаль я не заметила раньше, так бы вышвырнула его еще на дороге. Понадеялась на твою осознанность, рядовой.

Макс встрепенулся, ища глазами машину, словно сам забыл про свою идею.

— Да плевать на этого Скопика, как он узнает об этом, ну? Дайте же мне премию за гениальность! И почему раньше никто до этого не додумался? Зачем нам тогда огромный цех механиков, лаборатория с компьютером? — он выделил последнее слово, — В памяти этого дрона хранится не просто информация, из него же можно вытянуть все видеозаписи, весь звук, коды, шифры. Кто знает, что он видел? А если хорошо подумать, то все дроны связаны с одной общей сетью, ух, — довольный собой, Макс принялся артистично махать руками, изображая душевные страдания. Но Елена только закатила глаза.

— Сильно же ты головой ударился. Будто ты сам не знаешь, как у нас относятся к этой гениальности, — она встала, — Дрон останется здесь. В чем проблема?

— Может, в том, что уже несколько лет мы вообще с места не двигаемся? — Макс скрестил руки на груди. — Как будто нашим главам вообще наплевать, как будто никто из них даже не пытается ухватить новые козыри, составить план, и ка-ак дать Крету под зад? Посмотреть, как корчится их король от злости? Ты же сама этого хочешь, — парень выставил вперед кулак.

Елена покачала головой, посмотрела на Валерию, сжавшую губы, а потом вновь на Макса.

— Главам лучше знать, что делать, Макс. Мы спустя пятнадцать лет живы только благодаря Лебовски, — разведчица опустила взгляд в землю, — Да... Уже и считать перестали, сколько могил на совести Крета. Даже свернуть их королю шею — слишком просто. Но не будь идиотом. Все, что принадлежит тому, кто желает тебе смерти — опасно. Да, наш купол над пунктом глушит сигнал, но эта хрень, — Елена снова указала в сторону дрона, — Может все перевернуть.

— Ну, не вижу ничего плохого в том, чтобы перевернуть мир и неожиданно напасть на войска Крета. Они точно не думают, что их оккупанты вдруг прорвут оборону, — склонив голову проговорил Макс, — И кстати, если генерал Лебовски и его тактики такие все из себя пере-через-слишком, ну, про-осто невероятные, где солдаты из семнадцатого пункта, которые должны были выйти следом за нами? Почему от них ни сигнала? Почему мы одни резко дернулись в Бротлэнд? Знаете, девчонки, раз они не могут ничего дельного предпринять, это сделаю я.

— Сомневаешься в главах, рядовой? Задумал измену? Или сам лучше справишься с ведением войны, а? — шикнула Елена, и под ее мрачным взглядом, Макс сел на место, — Потому что нас тут могли ждать госы в засаде, потому что люди после взрывов долго не живут, их спасать надо, дурень. Потому что мы разведчики, ясно? Просто ориентиры, а не маяки во-

енных отрядов. Да и машина с целым арсеналом и отрядом из более чем десяти человек в большей опасности, чем мы. Сообщить в штаб обстановку — это наше дело, — Елена наконец вынула занозу и посмотрела в землю, — А дальше работа настоящих солдат. Не хочешь расстаться с жизнью, не маячь. Во всех смыслах.

— Настоящих солдат, говоришь? А я по-твоему тоже некондиция, да? — Макс нахмурился и часто качал головой, наклонившись вперед.

Валерия громко сглотнула.

— Прекратите это, прошу вас. Макс, хватит провоцировать, — выпалила она и взяла за руки обоих, — Мы же все еще вместе.

Макс отдернул руку и растрепал слипшиеся на затылке волосы. А Елена отвернулась, таким образом поставив точку. Она явно была только рада тому, что этот разговор окончен.

Напряженную тишину разделял только хруст хвороста. Попавшая в костер шишка заискрила и зашипела в огне. Ядреный дымок, как назло, наклонился в лицо Елене, она потерла слезящиеся глаза и выковыряла шишку палкой из костра. А когда обернулась, заметила, как Валерия, непрестанно ворча себе под нос, что-то искала в сумке, подвешенной на дерево. Она сняла плащ, который скрывал под собой высокую хрупкую фигуру. Елена задумчиво изучала ее мягкие черты лица, еще не лишённые детской припухлости, светлую

кожу и редкие веснушки на носу. И руки, сжимающие подозрительный сверток.

— Опять? Валерия, и ты туда же... Когда тебя схватят с этими бумажками, я не стану тебя выгораживать, ясно? — сказала она, свесив голову, когда заметила искру в глазах девушки. — И где ты ее нашла вообще?

Валерия улыбнулась. С нежностью она погладила сверток, а потом очень медленно, как желанный подарок, размотала небольшую книгу. Макс кивнул, взял ее и с хрустом сломал корешок, а потом срезал ножом обложку.

— Красивая... — улыбнулась Валерия. В ее влажных глазах поблескивало отражение костра, — Была. Прихватила из старой аптеки, она лежала там среди кучи других книг.

Макс и Валерия начали активно отрывать страницы. Сначала они сложили их в стопки, а потом стали приматывать их к себе под одежду лоскутками. Валерия расстегнула куртку и подняла кофту, пока Макс помогал сестре оборачивать вокруг нее бинт. Когда место на торсе и спине закончилось, они приматывали листы на ноги и плечи.

Елене оставалось только наблюдать за этим. Не учебные тексты опасно хранить, и дорого продавать. Бумажки никогда не замечали на пропускном пункте, по крайней мере, когда некоторые недалекие не передавали их с почтой.

— Ну, как? — спросила Валерия, когда Макс ощупывал ее талию и руки через куртку.

— Даже самый зоркий не пронюхает.

— Это просто невыносимо, — прошептала Елена, копаясь палкой в костре, — Что у нас есть? Сбежавшая ненормальная, запрещенная литература и нарушение предписаний в количестве.

— Говорит опытная контрабандистка, — буркнул Макс.

— Это в прошлом. Я хотя бы вовремя осознала важность соблюдения правил для безопасности. Вашей, кстати.

Елена взглянула на часы и протерла их от пыли.

— Мы сейчас примерно в трех-четыре километрах к северу от Бротлэнда. Скальный хребет прямо перед нами. План такой: Валерия находит, забирает или уничтожает все следы нашего здесь пребывания, Макс, с тебя костер и дрон, а я пройду вперед и осмотрюсь, — Елена вновь взглянула на часы, — Должна вернуться через десять минут, если уж через двадцать минут не появлюсь, сваливайте отсюда.

Елена перекинула ремень автомата через плечо и пошла вперед, злобно утапливая шаги во мху.

Макс и Валерия стояли, пока та не скрылась между деревьями.

— Думаешь, злится? А?

— Я думаю, Максимилиан, что она почти в ярости. Ты постарался.

— Ну, спасибо, успокоила, — он сжал губы и шумно выдохнул носом. — Да ладно, я возьму все на себя, если что.

Валерия ничего ему не ответила.

Через десять минут Елена вернулась к самосвалу, пепел и

гарь от костра скрылись под землей и вырезанным квадратом мха, жухлое дерево повалено, чтобы спрятать следы, дрон, раздавленный на две части, утонул в болотце. Елена кивнула, оценив результаты работы.

— На аванпосту пересядем на мотоциклы. И ни слова о дроне, книгах. Говорить буду я. Ясно? Впервые мне не хочется возвращаться.

Логово

Рассветное солнце, проникавшее сквозь ельник, рябило в глазах, когда впереди возникли ворота девятнадцатого пункта. Из-за стены выглянули родные холмы. Одновременно с этим усталость внезапно накатила с такой силой, что даже сидеть на мотоцикле уже не было никакого терпения.

Охранники подняли стволы.

— Старшая разведчица Леман, отряд девятнадцать тридцать четыре! — выкрикнула Елена, когда все остановились.

По приказу дежурного разведчицы сняли шлемы, нашивки с вражеским гербом и показали документы.

— Сумки на стол.

Прицелы не опускали.

Макс шумно сглотнул. Дежурный, с трехдневной щетиной и ожогом на пол-лица, встал напротив и вперился ему прямо в глаза. Макс старался смотреть в пустоту, хотя сдержать нервную дрожь в руках не смог.

— Рюкзак твой? — дежурный откашлялся и сплюнул в землю.

— Так точно, — немедленно ответил Макс и задержал дыхание.

Тут же дежурные буквально выпотрошил рюкзак. Среди сухих пайков и инструментов внимание привлекли стерильные пакеты. Солдат с ожогом поднял один из них, держа за

край кончиками пальцев.

— Поясни-ка.

— Осколки снарядов, разорвавшихся в Бротлэнде. Разрешение от сержанта Скопика во внутреннем кармане, — ответил Макс и позволил дежурному достать заламинированный документ из внутреннего кармана куртки.

— По приказу главнокомандующего армии генерала Лебовски... — пробормотал себе под нос дежурный, снова взглянул на Макса и через пару мгновений кивнул.

— Открывай! — крикнул он, — Пошевеливайтесь.

Елена и Валерия переглянулись, покосившись на брата, когда поняли, что он так и не сдвинулся с места. Только после тычка локтем он подхватил рюкзак и быстро засунул вещи обратно.

Как-то больно взволнованным выглядел Макс. Даже у Елены сердце забилось быстрее от напряжения. Однако предчувствие никуда не делось, даже когда разведчики вышли на основную параллель, достаточно широкую в отличие от других улочек, зажатых двухэтажными домами с обеих сторон.

Большинство горожан еще спали, поэтому было неприятно тихо. Это чувство необъяснимого липкого страха возникло сразу у всех звоном в ушах. Тишина высохших вен мертвого города Бротлэнд слишком глубоко засела в памяти. Только в отличие от него Логово не было похоже на последствие оползня.

У двери каждого дома была табличка с фамилиями жильцов, а ниже доска с именами погибших родных. Рядом - скамейки и столики. Кое-какие из них были пестро расписаны цветным мелом, а дальше на дороге ими же были нарисованы кривые круги разных размеров для одной из детских забав. Там же в старой тракторной шине был спрятан мяч, а рядом виднелось окно первого этажа, прикрытое пленкой. Этим мячом, наверное, и разбитое.

Из-за гирлянды свежeweыстиранного и еще влажного белья, которое развесили на тросе между домов, выглянула долгожданная деревянная вывеска “Ремонт мебели”. Она была вручную вырезана и выкрашена в темно-зеленый цвет хозяином магазина. Дедушкой Виктором, конечно. Преодолев огромное желание распахнуть дверь и поприветствовать старика, отряд двинулся вверх по улице.

Впереди показалась серая плоская крыша штаба. Он представлял из себя серо-коричневое здание в самом центре четвертого сектора. Радиоприемник поприветствовал их скрипучим объявлением: “Дороги перекрыты. Не покидать пункты. Дороги перекрыты...”

Очевидно, что генерал Лебовски уже на месте, докладывать придется не только сержанту, но и ему. Макс весь побледнел и то надувал щеки, то поджимал губы.

— Да что с тобой? — подозрительно спросила Елена.

— Я в норме.

— Тебя будто на каторгу ведут. Соберись. Это мне сейчас

отдуться.

Охранники на входе потребовали документы, сверили их со списком разрешений, и пропустили разведчиков внутрь этой консервной банки из титана.

Холодный голубовато-белый свет заставлял прищуриться и сбивал с толку. Елена спиной ощущала воплощение беспокойства в виде Валерии, очевидно, заранее придумывавшей, как будет вести себя перед сержантом Скопиком, чтобы произвести впечатление уверенности. Медсестра и в самом деле бормотала что-то, и каждый раз, когда прерывалась, начинала фразу сначала. Это раздражало.

Страшно? Ее можно было отчасти понять. Все, кто столкнулся со смертью, долго не могли перестать думать о ней, купаясь в чувстве вины, невыполненного долга. Единственное, что никак не вписывалось в ситуацию — это чрезмерное усердие, с которым Валерия сквозь страх и боль старалась попасть в разведку, чтобы участить эти опасные свидания.

— Генерал Лебовски, — Елена учтиво склонила голову, глядя на взрослого мужчину с заметной сединой на висках, который неожиданно появился в проходе. Он был одет в серый бушлат с погонами, на них одна золотистая полоса, а на голове — военный берет старого образца, с гербом Игнис в виде белой горы на фоне закатного неба. Генерал поправил короткую бороду, когда отряд разведки замер в ожидании приказа.

— Леман, — мужчина прищурил тёмно-карие глаза. Одно

его слово представлялось незамедлительно отрезвляющим барабанным гулом, — За мной.

Все друг за другом вошли в кабинет. Он был ярко освещен диодными светильниками, по правой стене тянулись шкафы с множеством старых архивов и карт памяти, а посередине, у большого стола, разместились несколько кожаных кресел. На столе располагалась камера для видеосвязи по защищенной линии между главами пунктов.

Генерал грузно опустился в свое обшарпанное кресло и сомкнул руки в замок перед собой.

— Разрешите? — послышался четкий и резкий голос. Лебовски кивнул, и из прохода появился сержант Скопик. Его напряженное лицо каждой чертой выражало нетерпение, как показалось Елене.

Паре солдат у входа генерал подал знак кивком головы, и те закрыли дверь за вошедшими.

— Леман, доклад по форме, — Скопик прошел мимо нее и встал по правое плечо от генерала.

— Отряд девятнадцать тридцать четыре, дата и время выхода из пункта — десятое августа, 3:40, — ответила Елена и отметила на карте центры самых крупных взрывов. Она с детальной точностью перечислила все временные и цифровые значения, не упустив ни одной детали, — На уцелевших стенах зафиксировали странные надписи. Обнаружена и выведена из области одна жительница... — Елена сжала тонкие губы.

— Какова тактика Восточного Крета? Зачем было полностью уничтожать промышленный город и урановое производство? — звучным басом спросил генерал сам себя, нахмутив брови. Он серой тучей нависал над своим столом под тяжестью мыслительных процессов, так и его густые брови нависали над глазами, и вся его фигура стремилась куда-то вниз, как скала.

Елена сглотнула и решилась озвучить свое предположение.

— Крет предлагал завершить войну миром, если мы прекратим сопротивление и признаем свою территорию его частью, генерал. Возможно, от слов они перешли к действиям, и так показывают, что будет с Игнис, если мы не подчинимся. Все-таки. - отчеканила она, сложив по бокам руки, со сжатыми друг с другом пальцами, - Мы проанализировали состав снаряда и считаем, что это похоже на бомбу СМП.

Сержант осторожно покачал головой, смотря на подчиненную. Валерия поджала губы, а Макс, не моргая, следил за разговором.

— Говорить по разрешению, Леман. Что за жительница? Как зовут, что рассказала? — Скопик кивал в такт собственным словам.

— Лилия Рук, тридцать восемь лет. Работала в поселковой больнице около Бротлэнда. Пулевое ранение в плечо. Ранил солдат Крета, которого она успешно ликвидировала. Но впоследствии она сбежала.

Генерал вдруг выпрямился и вздернул подбородок, как будто внезапно проснулся от долгого сна.

— Сбежала. Как это так? А остальные? — сержант нетерпеливо требовал информацию.

— Все говорит о том, что жители покинули поселок, они бросили дома и вещи. Шли налегке, организованно и целенаправленно. Признаков массовой паники в поселке не обнаружено. Это значит... — Елену вдруг осенило, раньше она об этом не думала. А ведь среди бреда Лилии была прямая подсказка. Она так и сказала, что “предупреждала их.” — Значит, что они ушли раньше взрыва. В поселке на нас напали дроны, поэтому мы отступили в соответствии с предписанием.

Сержант резко повернулся на генерала Лебовски, чтобы оценить его реакцию.

Брови генерала поднялись и изогнулись, изображая немой вопрос. Он прищурился и посмотрел в лица каждого с особой внимательностью.

— Патруль к западной границе. Шифровка 311, — генерал нажал на кнопку в углу стола, и обратил свой взгляд к Скопику, — Собрать все отчетности до полудня, держать вопрос операции в строгой секретности, — он шумно выдохнул большими ноздрями.

— Так точно, — в голос ответили Елена и сержант Скопик.

— Готовы к следующим поручениям, — добавила Елена.

— Конечно, вы готовы. Это по меньшей мере ваш долг, а по большей — смысл существования. Сержант, выдайте им зарплату, — неожиданно громко перебил генерал и вылетел из кабинета словно порыв ветра.

Елена проводила его шокированным взглядом. Если Лебовски на мгновение стал вьюгой, то именно по этой причине холод пронзил ее до костей. Генерал отмерил цену их жизни, словно не знал, что значит ее потерять. Словно от него за все эти годы остался только генерал, а человек давно истлел. Игнис для тех, кто бескомпромиссно служит ее защите ради возможного светлого будущего, или хотя бы доброго прошлого, которого дети пункта даже не знали. Иначе все эти тысячи жизней были потеряны напрасно, а записи о них на табличках у входных дверей — лишь финал неудачной шутки. Но неужели долг равен смерти? Во всяком случае она впервые слышала что-то подобное от главы пункта.

Каждый, так или иначе потерял в этой войне нечто, определяющее его смысл. Генерал Лебовски, наверное, был одним из тех, кому, кроме чести и дома, терять было нечего. Не потому ли все те, кто еще способен выполнить свой долг — для него как колода в игре, которая либо покроет карты противника, либо отправится в сброс?

Дверь открылась, Скопик выпроводил Макса и Валерию для дальнейшего допроса. Он недоверчиво осмотрел Елену, обошел ее и, наконец, остановился спиной к разведчице.

Однако дышать стало значительно легче.

– Так, и что за ситуация с дроном? – Скопик сжал кулак и прошелся взад-вперед по кабинету, шумно стуча ботинками по полу, – Почему отступили и как ликвидировали?

Ну, вот. Сейчас-то Скопик вытащит из Елены остатки энергии. Главное правило, которое она усвоила за годы работы с ним — отвечать на поставленный вопрос и только на него.

– У меня не было выбора, сержант. Дрон стал преследовать нас, несмотря на соблюдение всех предосторожностей, – быстро ответила разведчица, сверля взглядом именную нашивку сержанта.

– Брехня, – он отошел и скрестил руки на груди, – Рассказывай мне все.

Елена посмотрела ему в переносицу. Скопик вовсе не был тем, кому можно что-то недосказать, он всегда видел насквозь, хоть и его острый взгляд не пугал так, как бездушные глаза генерала. Но не станет же она говорить, что ее братец потащил за собой вражескую машину с вшитым трекером. Хотя должна. Как всегда разгребает за него последствия.

– Они появились внезапно. Одного я вырубил глушилкой. Второй направил на нас пушки. Мне нечего больше сказать.

– Глушилка не провоцирует других, не чеши мне. И если бы они палили по вам, вы бы не ушли далеко, а ты, я смотрю, с целыми конечностями.

– Мы переждали в перелеске.

— И что, дроны все это время преследовали, а потом исчезли?

— Так точно, — резко, почти с нападением, ответила Елена и вздернула подбородок.

Скопик обернулся и в два шага оказался рядом с ней. Он занес над ее головой руку с напряженными до дрожи пальцами, будто сдерживался, чтобы не схватить за шиворот. Елена не вздрогнула.

— А ты знаешь, кто такая Лилия Рук? — сержант говорил шепотом, очень медленно и каждое слово будто с силой выдавливал сквозь сжатые челюсти.

— Медсестра, сержант? — ответила Елена и сжала губы. От куртки Скопика густо пахло табаком, от чего зазудело в голе.

— Предательница. Она убила семерых во время разведки.

— Как... убила? — Елена подняла глаза на Сержанта, и он сделал шаг назад.

— Я слышу удивление? Ты врешь, Леман.

Елена покачала головой, пытаясь прийти в себя после услышанного.

— Нет, она вела себя странно, слишком спокойно. Умереть хотела, проклинала все вокруг. Но я ни разу не видела пострадавшего, который говорил бы что-то другое в первые пару недель.

Скопик усмехнулся.

— Семеро разведчиков бежать хотели, потому что пове-

рили в ее рассказни. Ты же понимаешь, о чем я? И умерли. Подорвались на шашках у границы. В живых только ее нашли. Какое совпадение!

Елена набрала полный рот воздуха, раздув щеки, а потом резко выпустила его.

— И почему же тогда она не в тюрьме?

— Была заключена в Бротлэнде, а после находилась под постоянным наблюдением в больнице. Она была пациентом. Неужели столь искусный оратор, как Лилия Рук, не воспользовалась возможностью запудрить мозги трем малоопытным ориентирам, чтобы те... Я даже не знаю. Может быть, помогли ей снова сбежать, а!?

Возникла тишина, настолько невыносимая, что Елене очень хотелось ее заполнить. Она с трудом это терпела, и не могла перестать вспоминать худое грязное лицо этой Лилии, ее дикие высказывания и удивительное смирение перед смертью.

И как можно было не заподозрить что-то неладное? Как можно было упустить ее? После стольких лет Елене лишь второй раз дозволили вести операцию, но она тут же оплошала.

— Очевидно, что Лилия не воспользовалась своим даром убеждения, — сипло ответила Елена, — Позвольте добавить, что приди отряд из семнадцатого по плану, малоопытным ориентирам не пришлось бы втроем заниматься работой двадцати солдат.

Скопик резко обернулся и рывкнул.

— Семнадцатый пункт - не твоя компетенция! Не суй нос, куда не просили.

Елена чуть вздрогнула от неожиданной реакции. И как это понимать? Объяснений сержант не обещал, однако вопросов становилось все больше.

Скопик пристально осмотрел лицо разведчицы, всю ее с ног до головы, а потом отвел взгляд и поднял брови.

— Медицинская помощь участникам операции требуется?

— Ни к чему тратить на нас бинты и лекарства, — буркнула Елена от чувства глупости.

— Вот как? — сержант протянул руку, — Старшая разведчица Леманн, ты отстранена от выполнения обязанностей до выяснения подробностей. Кроме того, тебе запрещен выход за границу пункта в течение трех месяцев. И прочитай-ка вторую главу “Предписаний участникам военной разведки”. Сдавай удостоверение и приступай к выполнению приказа.

Елена прищурилась, перехватив его взгляд, и с неуважительным шлепком вложила в руку сержанта свой документ.

— Выясняйте подробности поскорее, командир разведотдела. Благодарю за ваш приказ и жду скорейшего возвращения к обязанностям.

Сержант шумно вздохнул и покачал головой.

— Мне очень хочется верить в твою невнимательность, Елена. Но проверить мне придется. Не попадай в неприятности.

Эти слова преследовали Елену в коридоре, пока она ждала друзей во время их личного допроса. Она с трудом заставляла колено не трястись от волнения. Единственная неприятность, которая маячила прямо у нее перед носом — это лишние слова, которые ее напарники могут не догадаться попридержать. Елена прикусила внутреннюю часть щеки и принялась расковыривать ноготь на большом пальце левой руки.

— Не волнуйся, — единственное, что она сказала Валерии, на которой вообще лица не было, — Для Скопика это стандартная процедура, надо иметь нервишки покрепче и язык с костями.

Хотя это было адресовано им обоим.

Радио все продолжало причитать о перекрытых дорогах, потом о сводке новостей, а потом, не нарушая традиционного расписания, заиграла классическая музыка. ни слова о Бротлэнде. По пути к дому Виктора эта трель казалась совершенно незаметной, даже чувство голода обострилось.

— Он выходит и дает ей “Предписания”, а она ему: “Отличное чтиво,” — рассмеялся Макс, передразнивая Елену так, будто она в самом деле с надменным лицом нахамила сержанту и закатила глаза. Елена с приоткрытым ртом наблюдала за его представлением.

— Ты дурак?

Макс забрал “Предписания” из ее рук и раскрыл на случайной странице, изображая, будто достает оттуда лист бу-

маги.

— “А это еще зачем?”, — снова передразнил он, покосившись на Елену.

— “На случай, если вспомнишь что-нибудь еще”, — подключилась Валерия. Она вытянулась, хотя была и так практически одного роста с сержантом.

Елена удивленно вскинула брови.

— “А чем писать-то?” — нахально спросил Макс, смотря теперь на сестру.

— “А что, все-таки есть что еще добавить к своему рассказу, Леман?” — преувеличенно довольна ответила Валерия, подражая жестким согласным Скопика.

Они оба разразились смехом.

— Не понимаю вашего веселья, — проговорила Елена, четко разделяя слова паузами. Хотя она всеми мыслями была в поселковой больнице и смотрела в исхудавшее серое лицо женщины, которая убила семь человек.

— А почему нет? Операция завершена, я планирую нажраться от пуза, нам денег заплатили, — хохотнул Макс.

— Ах, да. Это же на меня наложили все возможные санкции, — с претензией перебила Елена, нахмурившись.

Валерия пожала плечами.

— Он все проверит и вернет тебе документы, ты же ни в чем не виновна, я уверена. Сержант показался мне в целом адекватным. Для солдата.

Елена хмыкнула, когда поняла, что Скопик рассказал о

Лилии только ей. Очередная его проверка?

— Не все так просто, Валерия...

— Видимо, это он с тобой так, сестренка. Сержант умеет подбирать разные подходы. А нам и бояться нечего, главное отвечать честно, — Макс цокнул губами.

Елена прищурилась.

— Почему же тогда ты так волновался, Максимилиан?

Уголки его губ дрогнули.

Временные пункты спасения

Лето 2028 года. Пункт 19.

Одежда промокла насквозь от шумящего ливня, который сопровождал шествие третьего полка. В кузовах грузовых машин теснились мрачной массой люди, одетые в домашнюю одежду: халаты, пижамы, тапочки. Кто-то был без обуви. В одной из машин дети, сжавшись между взрослыми, тихо хныкали. Старая женщина напротив взывала к Создателю, и ее шепот был громче, чем гул двигателя. Головы были опущены вниз, а взгляды направлены в пустоту, словно ничего вокруг и не было.

— Открывай! — Закричали снаружи, когда машины затормозили.

Процессия двинулась дальше спустя пару минут. По бокам замелькали постройки, фигуры в дождевиках, на плечах некоторых из них была белая повязка и герб с горой на оранжевом фоне.

— На выход! — Снова скомандовали снаружи, когда открылась задняя дверь машины. Над головами людей, выходящих неровным потоком, растягивали прозрачный нейлон, проводя в дверь госпиталя.

— Слушаю? — спросила наблюдавшая за этим из окна маленькая женщина в медицинском халате у вошедшего в кабинет солдата, в форме пыльно-желтого цвета. Под ее гла-

зами впадинами чернели синяки.

— Трое стариков, десять мужчин, девятнадцать женщин, семь несовершеннолетних. Раненых нет. — Отрапортовал он. С козырька фуражки капала дождевая вода.

— Пожилых отведите в правое крыло, там есть палаты. Мужчин в большой зал. А женщин и детей — в левое, — медсестра кивнула и взяла со столика несколько баночек с успокоительным и бутылку воды. Заваливаясь на бок каждый шаг, она прошла в коридор, где все двери были раскрыты настежь, а из палат доносились вопли и плач: несчастные начинали осознавать, что случилось.

Медсестра раскачивающейся походкой семенила от одной двери к другой. Чернели ее впадины под глазами. Слабый полумесяц улыбки подрагивал на ее лице, но каким-то чудесным образом имел сильное действие на страдальцев. Скорее успокоительных он окружал людей толикой теплоты и безопасности.

— Здравствуй, маленький, — насколько могла нежно пропела медсестра, зайдя в следующую палату. Три женщины собрали вокруг себя пятерых детей, малыши плакали, из их носов пузырились сопли, а когда в палате появилась чужачка в халате, все сжались друг с другом в углу постели. Одна из женщин держала на руках сверток, вся сгорбилась над ним, задеревенела, с трудом она позволила медсестре приблизиться к своему чаду.

— Сколько вам месяцев, милая? Он совсем еще кроха,

— широко раскрыв глаза от жалости и удивления пропела медсестра над ухом матери.

— Тр... Три. Эт... Это девочка, — ответила она.

— Моя милая, — медсестра села рядом и приобняла ее за плечи. — Как вас зовут? Вам не стоит тревожиться, здесь я никому не дам вас в обиду, — глаза ее сверкнули и теперь стали ясно заметны на желтоватом лице. Женщина говорила почти шепотом, но при этом сразу всем, кто был в палате. — Меня зовут Александра, я тут медсестра. А вас?

Женщины приходили в себя, осматривали палату, с белой лампочкой и светлыми плиточными стенами, привыкали к медсестре Александре, заново учились говорить.

Те дети, что сжались в углу на кровати, придвинулись к краю, когда им подали кружки с теплым молоком и печенье.

— Мы не знаем, где их родители, — призналась позже одна молодая девушка на ухо Александре, чтобы дети не слышали. — В толпе их почти задавили, мы с Лилией выхватили их у самой машины и забрали с собой.

— Но как же теперь, милая, — Александра прикрыла сухой ладонью рот. — Может быть их родные в других машинах, за вами приедет еще две. Я обязательно узнаю!

— Тише. — попросила девушка, когда медсестра сочувственно вскинула руки, громко произнеся последние слова. — Мы скажем, что так и есть. Пока что. Пусть они наслаждаются спокойствием. Смотрите, они начали пить.

Дети увлеченно макали печенье в молоко. Они еще не

успели отойти от шока, поэтому, к счастью, не вспоминали о маме. С ними ласково лепетала та самая Лилия, а напротив, сгорбившись над младенцем, сидела бедная мать. Александра уже собралась уходить в следующую палату, когда вдруг всех оглушил пронзительный крик.

Это мать кричала. Кричала, запрокинув голову назад так, что те жуткие безжизненные глаза медсестра видела, стоя за ее спиной. Дети подпрыгнули, побросали кружки, вжались в стену, Лилия застыла с широко раскрытыми глазами, а девушка в проходе схватилась за деревянный косяк.

Этот крик был больше похож на звериный рев, плач дикой кошки, не выражавший уже ничего человеческого. И слез не было в ее высохших красных глазах. Руки матери с нечеловеческой силой сжали в руках хрупкий сверток.

— Стойте! — вскрикнула Александра, с ужасом бросившись к ней, чтобы выхватить ребенка, которого мать могла раздавить. Руки разжать не получалось. Крик стал хрипом.

Лилия медленно, как в трансе, положила руку на плечо медсестры, останавливая ее, а мать стекла по кровати на пол, смотря в потолок стеклянными полукругами глаз.

Александра проверила пульс и отрицательно покачала головой, смотря на женщин. Она очень осторожно освободила из рук ледяное тельце ребенка, кажется, он скончался намного раньше.

— Ох, маленькая...

Возвращаться домой после долгих дней пребывания в больнице было тяжело. Узкие улицы старого города сменялись переулками новых, еще недостроенных кирпичных зданий, которые вскоре должны стать временным и крепким убежищем для еще, может быть, десятков людей. Пахло цементом, краской и влагой после дождя, который только в тот день решил прекратиться.

Это он так отблагодарил Александру за заботу о вновь прибывших, так подумала медсестра, которая, слегка сгорбившись, несла за спиной тяжелый рюкзак.

С радостным вздохом она вошла в свой дом, где ее сразу оплел теплый аромат хлеба и жареной картошки. Яркое горела желтая лампочка, освещавшая комнату. Посередине стоял клепаный диван, кресло и деревянный столик, вручную сделанный ее мужем и покрашенный в ореховый цвет. Свет из маленького окошка не проникал внутрь, потому что шторы с кружевной отделкой плотно его закрывали.

Александра поставила рюкзак на пол и с кряхтением сняла резиновые сапоги, поставив их один к одному в уголок к остальной обуви. В свете лампочки мешки под глазами выглядели еще более нездорово.

Казалось, что ее прихода никто не заметил, в маленькой кухоньке слышалось брнчание и голоса.

— Дедушка, ну, расскажи еще!

— От, какой, сорванец. У дедушки, ишь, даже челюсть выпала!

— Фу!

— Ой!

Александра вошла в комнатку и покачала головой, стоя за спиной Виктора, который пугал детей своей вставной челюстью.

— Ай-яй-яй, — она уперла руки в бока. — Дед, опять твои шуточки?

Виктор подскочил очень резво со своего стула и шумно чмокнул Александру в еще такую молодую щеку. Лысину на его затылке обрамляли пушистые, кое-где еще даже рыжие волосы, припорошенные цементом.

— Не рухгайся, моя бабушка, это ж я так, для воспитания.

— А ну, — на лице медсестры опять появился полумесяц целительной улыбки, которую она подарила сразу всем в доме. Казалось, что если бы не было в мире стен, то Александра обняла бы ей и целую планету.

Она скрылась в прихожей и вернулась уже с рюкзаком в руках, увидев, как из-за стола к ней подтягиваются сероглазые Валерия и Максимилиан. Оба в красных вязаных кофточках, только Максимилиан в отличие от сестры весь растрепан: по щекам он размазал какую-то серую грязь, похожую на песок, а взъерошенному ежику волос точно требовалась стрижка. Рядом с ними, часто моргая, стояла Елена, перебирая в руках край своей кофты и переминаясь с ноги на ногу.

— Тадам! — Александра вынула пакет, наполненный пря-

никами и печеньем, которые она попросила в больнице в счет зарплаты.

В детских глазах вспыхнули искры.

— Ура! — крикнули сразу все в голос и потянулись к мешку, который поднял над их головами Виктор.

— Но-но, — погрозил он шутливо пальцем. — Сначала каша.

Максимилиан и Валерия незамедлительно насупились и уже собрались было протестовать, но Елена положила руки на их плечи, встав посередине.

— Кашу, кашу, — кивая повторила она. Задорно подпрыгнули ее каштановые кудри. Юная воспитательница взяла обоих за руки и повернула обратно к столу в углу узкой комнаты, а потом дождалась, пока они сядут, недовольно бурча.

— Подойди сюда, милая, — ласково пропела Александра, обращаясь к Елене. Она протянула к ней руку и присела на табуретку.

— У нас для тебя есть кое-что особенное.

— Для меня? — Елена переступила с ноги на ногу.

Она удивленно подняла темные брови. Из всех вещей, которые она знала, она пыталась представить ту, которая могла бы быть важнее и особеннее, чем все то, что у нее было тогда. И почему-то представить не получалось, как бы она не старалась.

Виктор подал ей альбом. Его корешок был перевязан

жесткой веревочкой, а по центру был маленький бантик.

— От! Будешь рисовать теперь тут. Бабушка тебе сама его сшила, — с улыбкой сказал Виктор.

Елена взяла подарок, провела по его шершавой обложке пальцем и поджала губы. Альбом стал расплывчатым от внезапно накотивших слез.

— Спасибо, бабушка. Дедушка, спасибо. Я буду рисовать только в нем.

Они обнялись. Альбома у Елены и правда не было.

Вечером по радио объявили:

“Граждане Игнис, просим пройти на плац возле военного штаба. Просим пройти на плац возле военного штаба”.

Дети обули сапоги и следом за бабушкой и дедушкой вышли на узкую улочку, а когда повернули на основную параллель, то увидели целую толпу народа, плавнодвигающуюся в центр города.

Валерия вдруг захныкала, а следом за ней и Максимилиан насупился.

— Дед, давай не пойдем, — он дернул Виктора за руку и встал за него.

Елена опустила взгляд и отвернулась, чувствуя, как дергается нижняя губа. Она набрала полные легкие воздуха, а потом села на корточки перед Валерией и щелкнула ее по носу, мгновенно отвлекая от слез.

— Попалась, мышка! А ведь я тебе обещала, что отберу твой красивый маленький нос, если будешь хныкать, — Елена широко улыбнулась и подпрыгнула.

Александра одобрительно покачала головой и положила руку на светлую макушку Макса, а Виктор поднял внучку на руки.

— От шо творится! А мы ее дохгоним и нос отберем обратно, — захохотал Виктор, и утонул в толпе следом за Еленой и Александрой.

— Дед, а ты челюсть забыл! — Макс тут же указал пальцем на Виктора и спрятался за Александрой от его хитрого взгляда.

Вокруг плаца было еще с десятков фундаментов, незавершенных зданий. А сам плац было и не видно вовсе, почти всю его площадь заполонили люди, окружив импровизированную сцену из деревянных паллетов. На ней стоял мужчина средних лет в сером бушлате, походном плаще и берете, увенчанном блестящим гербом с горой на оранжевом фоне. Мужчина обвел взглядом толпу. Отчаянное молчание не нарушалось. Говорили только взглядами: сначала ничего непонимающими, потом горяющими и уставшими. Виктор остановился и махнул рукой, привлекая остальных ближе к себе. А когда увидел, как Валерия снова начала хныкать, похлопал ее по спине, что-то тихо приговаривая.

— Игнисцы! — обратился мужчина в рупор и снял с себя плащ, обличая майорские погоны с тремя золотистыми диа-

гональными полосками, — Меня зовут Константин Лебовски. И я со стыдом и гордостью признаю, что я майор армии нашей страны.

Майор сделал паузу, стараясь поймать взгляды всех, кто стоит перед ним. По толпе прошелся взволнованный шепот.

— С гордостью! Потому что имею честь защищать нашу родину, наших людей. И со стыдом... Потому что мы позволили Восточному Крету оттолкнуть нас назад. Мой родной город Рехет тоже находится под контролем врага... Я знаю, что вы, каждый из вас, сейчас подавлен паникой и горем. Но призываю вас собрать всю свою волю и силу, взять ответственность друг за друга, помочь переждать военное положение. А я возьму ответственность за вас!

Я приветствую вас в этом Временном пункте спасения под номером девятнадцать, организованном на месте города Кульград. Сюда будут и дальше эвакуировать граждан, отдаляя их от линии обороны.

Я приветствую вас, как глава этого пункта. С этого дня и до тех пор, пока мы не дадим отпор захватчикам, мы вместе станем строить город, где каждый из нас будет в безопасности. До момента, когда можно будет вернуться в родной дом. Я уверяю вас, нам и года не потребуется, чтобы вернуть то, что у нас отняли!

Каждому игнису будет выделено жилье, еда и работа. Ко-

ренные жители Кульграда разделят с вами свой дом, пока не будут построены новые участки. Но общими усилиями это случится очень скоро.

Я знаю, что вас беспокоит то, что у вас изъяли телефоны и другую технику. Но, чтобы защитить себя и своих детей, нужно чем-то жертвовать. И нам пришлось пожертвовать связью. Восточный Крет пустит в ход информационное оружие, которое сможет вывести из строя не только военную технику, но и ваш разум! Пропаганда. Искажение сообщений. Даже психологические атаки. Поэтому контакт может производиться исключительно по аналоговым подключениям. На данный момент вам доступно использование писем для связи между пунктами. Их отправят в ближайшие дни, как только наладится почтовое сообщение.

Мы народ Игнис! И мы не упадем духом! Только не перед лицом опасности! — Майор вскинул к небу крепко сжатый кулак и бросил в толпу уверенный взгляд, — Мы пламя, безудержное и живое, всепоглощающее и дарующее жизнь!

Игнисцы один за другим подняли правые руки, а левые приложили к груди. Елена поежилась от внезапных мурашек, повторила за остальными и кивнула младшим, чтобы они сделали также. По толпе пронеслось необъяснимое тепло единства.

Все крепко сжали кулаки и закричали в один голос:

— Пламя! Безудержное и живое! Всепоглощающее и да-

рующее жизнь!

Весь плац наполнился аплодисментами воодушевленных граждан, которые стихли, лишь когда майор Константин Лебовски покинул сцену из паллетов.

Виктор и Александра увели детей в сторону, наблюдая за распределением: солдат взошел на паллеты и зачитывал список обязанностей. Взрослые, особенно те, к кому прижимались дети, с большим энтузиазмом вызывались на общественные работы. Другие задавали вопросы, кто говорил спокойно, а кто выкрикивал, даже стоя прямо перед солдатом.

Когда мы точно вернемся домой? Что еще за информационное оружие, и при чем тут телефоны? Где мой ребенок? Когда на связь выйдет совет аудитов? А что, если некуда будет вернуться?

— Как много людей, — прошептала Елена и взглянула на Александру, на ее желтоватое лицо и мешки под глазами.

— Будет больше. Много еще к нам привезут, — очень тихо сказала она и улыбнулась в конце, вероятно, вспомнив, что говорит с ребенком. — Здесь все будут в порядке, милая, — она взяла Елену за руку, — Я помню, как вы вышли из машины. Такие маленькие и хрупкие. Малыши мои, так плакали... — Александра всхлипнула, — А ты, милая, все их защищала. Так крепко за руки держала. О, Создатель! Не ела ничего совсем...

Виктор посмотрел на Валерию, озирающуюся по сторо-

нам.

— Да бабушка толькхо вас и ждала, прокхазникхи! — подтвердил Виктор и пожевал сухие губы, — Так шо это хороший знак, шо вы к нам прибились. Как уличные кхотятя.

— Ай-ай, дед, какие же они котятя, — возмутилась Александра и легонько стукнула Виктора по плечу, — Теперь уж вы наши дети, так что мы всегда будем рядом, когда вам нужна будет помощь. Раз своего-то сыночка не уберегла... — глаза Александры потухли. Она дернула плечами и утиной походкой направилась к дому, а за ней последовали остальные.

Только Елена осталась, не заметив их ухода. Она вспомнила тот день, самый первый в Кульграде, а теперь 19 пункте. Вокруг было много беженцев, какие-то взрослые люди, которые бились в истерике, словно дети, перед глазами много раз мелькали военные в пыльно-желтой форме, с оружием на поясе, и медсестра. И это было страшнее любого другого дня, хотя бы одного из тех, которые Елена провела в одиночку. Потому что за руки с ней держались пятилетние малыши, а вокруг бесконечно сновали незнакомцы в тяжелых ботинках. И она не знала, чего от них ожидать. Как и люди, которые сейчас впервые оказались здесь.

Робкий шепот плача превратился в жалостливые крики буквально на секунду. Солдат поднял вверх пистолет и дождался, пока в миг обезумевшие игнисцы умолкнут.

Елена вздрогнула. Она посмотрела на солдата, который

командовал с паллетов, как он убрал пистолет и что-то строго сказал. Было не слышно, что именно, но это и не важно. Елена не могла отвести взгляд от кобуры, из которой виднелась пистолетная рукоять. Военный — значит, опасный, значит, сильный, поняла она и вдруг сорвалась с места. Протискиваясь через плотно стоящих людей, Елена вынырнула из толпы прямо к солдату и подняла руку.

— Я! Я тоже буду стрелять!

Все замолчали. Солдат тоже, он наклонился к девочке и теперь стало видно его совсем молодое лицо. Наверное, ему и двадцати лет не было. Елена часто дышала, и чувствовала, что у нее дрожат колени. Когда солдат наклонился совсем близко, сделала шаг назад и второй рукой опустила первую, та словно задеревенела, никак не двигалась сама.

— Стрелять будешь? — солдат усмехнулся и достал из кобуры пистолет, а потом под удивленный вздох из толпы протянул его Елене рукоятью вперед. — Как звать, девчонка?

— Елена! Елена! Да шо ж ты делаешь, щегол? Ребенку оружие! — подбежал Виктор.

Солдат встал и вздернул подбородок.

— Прошу прощения! Рядовой Край к услугам народа великой Игнис.

Виктор остолбенел и тяжело вздохнул, осмотрев солдатские узкие плечи и совсем мальчишеское, еще округлое лицо.

— Ребенку оружие никак не смею, — продолжил рядовой,

— Боевой дух заслуживает уважения.

Елена выглянула из-за Виктора и удивленно хлопнула глазами.

— Дух? — переспросила она, но Виктор тут же взял ее за руку и не дал продолжить.

— Такхое время, шо и в мальчишкхе увидишь палача,
— сказал ему Виктор, уважительно кивнул и повел Елену прочь.

— Нельзя тебе стрелять.

— Людей с пистолетами все боятся, — пробормотала Елена.

Виктор ничего ей не ответил, лишь нахмурил брови и недовольно пожевал губы.

— Ты не волнуйся, дедушка. Я же буду вас защищать.

— Да кхуда ж тебе, девчонке, — задумчиво ответил ей Виктор и крепче сжал ее маленькую руку.

Больше они не говорили: Виктор, потому что не знал, что сказать, а Елена, потому что уже не могла не думать о том, как именно защитит Максимилиана, Валерию и стариков, которые называли ее внучкой. Если не получится спастись от людей в тяжелых ботинках, то надо самому научиться их носить. Тогда тебя примут за своего, поэтому ты будешь в безопасности. А если удастся заполучить пистолет? Уже другие захотят стать тебе своими.

А потом, что?

Полет ее мыслей нарушился стуком камешка, который

она пинала по дороге к дому.

Елене не приходилось смотреть по сторонам, потому что каждый угол стал будто всю жизнь знакомым. Здесь она носила с Виктором воду, везла какого-то мальчика на каталке из больницы и, конечно, по этой улице она впервые пришла в новый дом.

— Покушай, милая, — все время щебетала над ней Александра в первые дни.

Елена не отказывалась, но не могла положить в рот ни крошки, пока младшие не поедят и не лягут спать. Только когда они засыпали на клепаном диване, у нее получалось поесть. Но все равно каждый раз у нее ком в горле вставал, и хотелось плакать.

— О, Создатель, ну, что же случилось с тобой, милая? Почему не ешь?

— Если бы я не поела, то они были бы сейчас с мамой, — пробормотала Елена и всхлипнула. Слезы тут же запузырились из глаз, и она беззвучно зарыдала над тарелкой с супом. Так и не съеденным.

Уже стемнело, Виктор, убедившись, что дети уже спят, выключил свет в комнате и задернул плотные шторы. Все затихло. Елена открыла глаза, когда Валерия закинула на нее

ногу, и широко зевнула.

Бабушка опять кряхтела в соседней комнате.

— Что же будет, — донеслось из прохода в кухню.

— Это не на год, — тихо ответил Виктор очень низким голосом, в котором не было ни капли обычного веселья, — Только дуракхи поверят, шо останутся здесь ненадолго. Фундамент ухладывается хороший, долговечный. На десяткхи лет. Будто новый город строят. Временный.

— Майор Лебовски просто не хочет паники, — согласно ответила Александра.

Елена слышала, как в кухне поставили чайник на плиту, а бабушка с хриплым вздохом села на табуретку.

— Но это не дело. Этот майор, да даже я. Мы даем надежду людям на то, что они в безопасности. Но я сама в это не верю, сама не верю... Совет ни разу так и не вышел на связь, не сделал ни одного прямого заявления. Может, и нет уже никакого совета. Только радио оставили, но и по нему мало чего рассказывают. Как же нам знать тогда, что происходит, Виктор, я не понимаю.

— Моя Александра, — Виктор вздохнул, помолчал немного, Александра закашлялась, — Шо бы ни было, нам теперь нельзя просто так умирать.

Елена сжала край одеяла и накрылась им с головой, стараясь не слышать, как бабушка плачет и почему-то просит прощения. Девочка поерзала, устраиваясь поудобнее, и неожиданно для себя провалилась в сон, как только Валерия заки-

нула на нее ногу снова.

День Памяти

13 августа 2042 года.

— Я больше никогда не возьму тебя в отряд, — тихо сказала Елена на подходе к магазину Виктора.

До того они долго и напряженно молчали, поэтому Макс поперхнулся от неожиданности.

Елена так пристально смотрела ему в глаза, будто пыталась залезть в голову. Для него это было даже хуже, чем в кабинете Лебовски.

— Если одна из лучших старших разведчиков отказывается от одного из лучших саперов, то что другие скажут? — неловко выпалил он.

Валерия задержала руку, прежде, чем открыть дверь, и обернулась. Макс часто провоцировал ссоры неудачными шутками и своенравным поведением. Обычно это продолжалось громким спором. Потом Елена остывала и смягчалась, а Макс еще некоторое время держал язык при себе. Но, очевидно, не сегодня.

— Я плохой командир, раз не могу поставить на место подчиненного. А к тебе, — Елена посмотрела краем глаза на Валерию, — К вам обоим я отношусь снисходительно. У меня было достаточно времени подумать об этом. Надеюсь, что и тебе его хватило, чтобы понять, где ты ошибся, Макс.

Елена открыла дверь, собираясь войти, но Макс схватил

ее за локоть.

— Неужели наша Елена пытается научиться шутить?

Он часто заморгал, растерянно сдвинув брови, от чего его вид стал еще более подавленным.

— Не заставляй меня говорить слова, которые не хочешь слышать.

Изнутри послышался восторженный возглас старика Виктора.

— Робяты! Я уже было подумал, шо вас-таки не дождусь, — он почти вывалился на крыльцо и разразился кашляющим смехом, демонстрируя почти полное отсутствие зубов.

Тогда Елена отдернула руку и вошла внутрь, а следом за ней Валерия.

— Мы тоже рады тебя видеть, дедуля! Да что ты говоришь, всего-то пару дней не было, — мило улыбнулась ему Валерия и крепко обняла Виктора, примяв его пушистую бороду и глубоко вдохнув родной стариковский запах. Он сразу напомнил о мягкой кровати, чае с пряниками, игре в прятки и вязаных кофтах.

В задней комнате магазина “Ремонт мебели” Виктор хлопотливо усадил внуков за деревянный стол в углу и ушел в свою кухоньку. Комната была узкой и длинной, от чего гостям было тесновато.

В противоположном углу расположилась кровать, застеленная синим шерстяным покрывалом. Она так и манила уставших гостей прильнуть к ее мягкому одеялу и уткнуться-

ся в подушку. Макс мечтательно сверлил ее взглядом. Возле кровати был деревянный шкаф, из ящика которого кокетливо выглядывал носок хозяина. Рядом единственное в этой комнате окошко, квадратное и полузакрытое шторкой из плотной узорчатой ткани. А на полу коврик, истоптанный ботинками. И запах — душный, кисло-сладкий, древесный.

Стены были увешаны плакатами и старыми фоторамками. С самой большой из них смотрела нежным взглядом престелная женщина, она держала под руку рыжеволосого красавца. В этом загорелом веснушчатом лице едва узнавались черты Виктора, но глаза его все так же светились молодостью.

На противоположной стене на искусно вырезанной из массивной ветки дерева вешалке висела военная форма с несколькими наградами и погонами майора. Она сияла как новая.

Обколотые тарелки из серванта перебрались на стол. В самом его центре дымилось ароматами жаркое в большой кастрюле, которое готовилось обычно по особым поводам. Виктор протянул Валерии четыре деревянные ложки, которые та раздала остальным.

— Как же это вкусно пахнет! — восхитилась она, потянувшись через стол к кастрюле, — Ты еще не надумал поделиться секретным рецептом, дедуля?

Девушка убрала светлые волосы в хвост, наблюдая как еще бурлит их первый за долгое время настоящий прием пи-

щи.

— Рецепт на то и секхретный, шоб его никто не знал! — дед резво разложил по тарелкам жаркое, — От! Всем приятного аппетита, хэ-хэ!

Виктор неаккуратно сел у самого края, позволяя дорогим гостям поудобнее расположиться. Ели молча и быстро под шепот радио:

“Внимание, движение восстановлено! Аварийная ситуация разрешена. Просьба рабочим своевременно прибыть в ангар для разгрузки.”

Валерия взглянула на Виктора, подметив его довольную улыбку. Он держал ложку, но пока не прикасался к своей порции. Дед просто наслаждался тем, что вся семья за столом.

От этого в груди кольнуло, а по рукам пробежался рой мурашек. Валерия потеряла кончик аккуратного носа и опустила взгляд.

В комнате всегда было тепло, она словно была не из этой реальности. Будто бы этому дому место перед широким заливым лугом, а не узкой улицей ВПС.

Когда тарелки опустели, Виктор принес каждому по кружке чая.

— Какая радость, робяты, шо вы вернулись к самому дню Памяти! Пейте-пейте. Пряникхов пока нету, но я тесто-то завел, шоб к вечеру до бабушкхиной памяти успеть.

— Наверное, хорошо, что бабушка не знает про Бротлэнд.

Она была бы в ужасе, — Валерия облокотилась на стол.

— Он сравнивал город с землей, — грустно подтвердила Елена, имея ввиду, конечно, короля Крета, — Даже целых зданий почти не осталось.

Виктор покачал головой.

— Эх! — он хлопнул по колену, — Никак не насытятся своей властью.

Виктор взглянул на портрет и кивнул красавице с него, прошептав одними губами: “Хорошо, шо ты уж не видишь этого, Александра”.

— Крет еще получит по заслугам, Виктор. Я тебе обещаю. Мы будем бороться за нашу свободу, — Елена положила руку, сжатую в кулак, на грудь и склонила голову, — А генерал Лебовски не позволит Крету пройти за Скалейный хребет.

Макс ухмыльнулся и скрестил руки на груди.

— Слабо в это верю.

— Помнишь надписи на стенах? — прошептала Валерия, — Я думаю, бротлэндцы были в панике. Наверное, они тоже не верили генералу, — она запнулась, — Я имею ввиду, что, если совсем никому и ни во что не верить, можно потерять голову.

Виктор внимательно взглянул на Валерию.

— И за неимением вариантов стоит доверять генералу, — вздохнул Макс.

— К слову, Валерия делает успехи в работе, — Елена прицелилась взглядом на нос своего ботинка, перебив Макса, —

Поэтому я считаю, что ей лучше проводить больше времени в больнице, а не в вылазках за пределы пункта. Так у нас всегда будут люди, которым мы можем доверять. Мы сами.

— Правильно. Такие мастера своего дела должны оставаться в безопасности! Не зря так усердно училась. И вы оба тоже оставались бы здесь. На фронте народу много, а здесь работы мало шо ли? Хочешь сади, хочешь копай, хочешь строй, учи, врачуй! А если на рожон полезете, можете и хглу-постей наворотить. Ох, вы рядом: уже счастье деду.

Виктор взял Валерию за руку.

— Робята, чувствую своим стариковским сердцем шо-то неладное. Жду от вас обещания не суесться и не забывать своего старикха.

Из магазина раздался звонок. Старик замельтешил и хлопнул шершавыми ладонями по коленям.

— Ну, работа зовет! Пора мне. Как же ж я рад, шо вы ко дню Памяти вернулись, как же рад, — он поторопился к посетителям. Осталась только вечно молодая улыбка Виктора с портрета на стене.

Когда в комнате стало совсем тихо, Валерия резко обернулась к Елене. Она вся сжалась, надула щеки и нахмурилась. Теперь она стала похожа на себя в детстве, когда у нее что-то не получалось.

— Почему, Елена? Почему мне лучше в больнице?

Елена удивленно вскинула брови. В целом она ожидала такой реакции, однако надеялась на более взрослый подход.

– Тебе не место за границей пункта, Валерия. Твое дело лечить, латать раны, помогать приходить в себя. Ты же умеешь это лучше всего.

– Да? Тогда как я смогу найти хоть что-то о родителях, оставаясь всегда внутри купола? Вдруг они тоже пытаются найти нас? Вдруг посылают сигнал, но мы не можем принять его, потому что купол глушит связь?

– А еще у нас нет устройства, которое бы расшифровало этот сигнал, успокойся, – перебила Елена, встала из-за стола и стала собирать посуду в небольшой таз, — Ты знаешь, сколько разведчиков и солдат погибает в год? А сколько в месяц? Макс, напомнишь сестре об этом? Будет куда спокойнее, от того, что ты в безопасности.

Макс смотрел на них и молчал, ковыряя кожу вокруг черных от грязи ногтей.

– Если ты внезапно окажешься в списке погибших, то уж точно никогда не найдешь своих родителей, – продолжила Елена.

Валерия покраснела, ее губы дрожали. Она сдерживала слезы. Каждый раз слово “родители” вставало в горле комом, однако сейчас сил проглотить его не осталось. Бротлэнд, мальчик под бетонными плитами, погоня, бессонная ночь и банальная усталость раздавили сосуд ее терпения. В родных стенах не осталось ни единой причины сдерживать слабость.

Тогда Елена оставила посуду на столе и присела на кор-

точки рядом.

– Я пообещала вам обоим, что сделаю все, чтобы найти сведения о ваших родителях. И я это сделаю.

– Но ведь до сих пор ничего не нашла... – прошептала Валерия, от чего Елена вздрогнула всем телом и встала.

– Трудно искать человека по одному только имени, – сказал Макс и похлопал Валерию по плечу, – Не парься.

И когда та на него никак не отреагировала, Макс дернул ее за хвост. Валерия обернулась и недовольно что-то прошипела ему в ответ.

Она перевела взгляд на проход в кухоньку, откуда было видно только таз с посудой и руки Елены, с загнутыми по локоть рукавами. Она плеснула воды из ведра в таз и тряпкой промыла сначала деревянные ложки, выкладывая их потом на стол рядом, затем кружки, а следом и тарелки. Ногтем она пыталась оттереть присохшие к тарелкам кусочки пищи, а затем вновь окунала посуду в воду с тихим всплеском, похожим на вздох.

Иногда отделаться от пристающих, надоедливых убеждений так же тяжело, как от присохшей картошки. Они налипают, как грязь по всей твоей коже, только изнутри, так, что ты, как бы не пытался, не можешь отскрести их. Даже если в кровь расчешешь руки, спину и грудь. Зачем обманываться, когда все, что ты можешь, это окунаться в холодную воду, чтобы хотя бы немного снять зуд?

“Сегодня.

В день скорби и уважения.

В день знания и памяти.

В день, когда Великая Игнис молчит о своем горе, провожая послания падшим в небеса.

В день, когда Создатель, принимает у себя призраки наших душ.

Жестокие захватчики, погубленные ненасытной жадностью снова пытаются унижить нас.

Снова.

Восточный Крет устроил праздник на костях. “День свободы и справедливости”.

Так проявим же мы жалость и терпение к Восточному Крету в эту ночь...

В день Памяти не стрелять.”

Радио в столовой умолкло, а потом тихо защебетала музыка, однако онемевшие от возмущения лица лишь переглядывались друг с другом. Квадратная комната, полная людей, ожидавших вдохновляющего обращения от главы пункта, вдруг стала колючей, неприятной.

— Да как они посмели? — выкрикнула женщина и вскочила, опрокинув стул.

В секунду народ взорвался градом возмущений. Каждый

старался как можно громче выругаться, будто король Крета мог слышать бесконечные проклятия.

— День свободы? День, мать ее, справедливости? — бородатый мужчина, с подвязанным под плечо рукавом камуфляжной куртки, густо харкнул перед собой и ударил единственной рукой по столешнице так, что расплескал содержимое кружек.

— Почему мы до сих пор не ответили Крету?! Генерал чего ждет? Чтобы и до нас добрались?

— Справедливо в этот же день задушить каждого поганого кретовца. А еще лучше запереть в подвалах, чтобы они там помирали заживо! Сами себя чтоб жрали, сволочи. Не стрелять? Не будет пушек, будут ножи.

Среди этого гомона послышался детский плач и попытки вывести ребенка из столовой.

— Пусть слышит, пусть знает, в каком поганом мире живет, нече его уводить! — крикнул бородатый и преградил путь матери с мальчиком лет четырех.

Она попыталась отшатнуться, но бородатого быстро под локоть оттащили в сторону. Дверь отворилась и мать нос к носу столкнулась с Еленой, попытавшейся войти. Развернулись. Елена, а следом Макс и Валерия, протиснулись вперед и даже чуть не получили пинок от болтающегося в солдатских руках бородатого.

— Тишина! Всем молчать! — прокричали из толпы, а следом звук разрезал неприятный металлический стук.

— Это хозяйка, — сказал Макс девушкам, вытянув шею, а потом резко согнулся, зажав уши.

Хозяйка, взрослая женщина, с темными волосами с проседью, в новом фартуке, стучала поварешкой по кастрюле. Толпа мгновенно угомонилась, но звон в ушах все еще вызывал мурашки.

— Спасибо, — запыхавшись сказала хозяйка, — Поминать принято молча. Не устраивайте мне здесь балаган, ясно? А то не лучше Крета, тьфу, — строго добавила она и ушла на кухню. Народ притих и уселся.

Часто говорили, что каждая дорога в Логове вела в столовую. Счастье, горе, азарт и страх неизвестности влекли игнисцев в это место. Голод в последнюю очередь. Особенно в День Памяти.

Уже вечером на основной параллели выстроится колонна и пройдет вдоль дороги к самым воротам пункта, провожая грузовик с письмами погибшим родным. Один за другим они из каждого пункта соберутся на центральных холмах. Связовые, которым доверяют везти столь ценный груз, разведут высокие костры в знак нерушимой пламенной силы Игнис и предадут огню горем и печалью истерзанные листы бумаги. И тогда, может быть, звезды передадут Создателю, как ничтожны силы его подопечных, но как велико их горе о совершенном.

Однако не все с таким трепетом относились ко дню Памяти. Для некоторых, а возможно и большинства, он был будто

искрой от удара пирита. И она сделала свое дело. Прямо как пару минут назад.

— Эй, Атталъ, — крепкая ладонь хлопнула Макса по плечу со спины.

— Ренат, дружище! — Макс обнял высокого смуглолицего солдата с черными завитками кудрей, виднеющимися из-под фуражки, — Ты проспорил мне сотню, я же сказал, что не сдохнем.

— Да, но ты все равно похож на мертвеца, так что не получишь от меня ни одного пека [пэка], — Ренат сдержанно улыбнулся и приветственно пожал руки девушкам, — Выглядите чудесно. По сравнению с этим оболтусом.

Тревожные мысли рассеялись. Да и чего переживать, ведь Бротлэнду это уже не поможет. Оставалось только радоваться тому, что сами еще целы.

Елена слабо улыбнулась в ответ на напускное возмущение Макса и пожала плечами.

— Лесть не твое, Ренат. Хотя Валерия всегда выглядит в худшем случае неплохо. Рада тебя видеть.

Валерия смущенно потупила взгляд и заправила локон отросшей челки за ухо.

— Пойдем, Валерия, не будем мешать долгожданному воссоединению, — Елена повела ее за собой.

Макс закинул ноги на стол и шумно отхлебнул еще не тронутый пенный напиток. Ренат возмущенно шикнул и щелкнул Макса по затылку.

— Угощайся, хотя ты и не спрашивал.

— А, ну! Ноги со стола! Солдате, тьфу, — слышалось с кухни. Макс тут же сел ровно и пригнулся, как пойманный подросток, а Ренат прокашлялся в кулак, маскируя смех.

— Рядом с тобой взорвалась бомба, а ты боишься тетку с поварешкой, — ухмыльнулся он, а потом виновато отвел взгляд, заметив как дрогнули запястья друга.

Все реагировали так. Кому руку оторвало, а кому сломало психику. Но и те и другие одинаково считали, что лучшие бомбы — это те, что бьют насмерть. В таком случае их жертву никогда не спишут со счетов. Ренат взглянул на бородатого, которого выкинули-таки на улицу.

— Пошел нахрен, некондишка! — расхохотались ему вслед лысоголовые солдаты у высокого стола.

Ренат почесал в ухе.

— Хочешь спросить про руки? Валяй, мне уже все равно, — Макс облокотился на стол и посмотрел в сторону кричавших солдат, к сожалению, узнавая эти голые затылки.

— Хотел узнать, как прошла вторая операция в позиции сапера, — соврал Ренат, кивая в такт своим словам.

Макс подхватил беседу довольно быстро, не вдаваясь в засекреченные подробности, стараясь отвлечься. Он невероятно скучал по дому, по душевной столовой, по колким замечаниям Рената, но не по своре Лютера Края, раздражающе гогочущей во всю глотку. “Некондишка”, “брак”, “сыкунович” — их сочинения.

Ренат всегда махал на них рукой: “Тоже мне лейтенанты”. Ему легко было говорить, ведь не на нем отыгрывались командиры.

Валерия смотрела с жалостью. Макс непроизвольно нашел глазами сестру, она тараторила что-то без умолку, накручивая локон на палец. Юное дарование, как сказал бы дед, которое заслужило своими стараниями репутацию самой аккуратной и доброй медсестры в больнице. Она сочувствовала всем без разбора. Но разве Макс какой-то больной? Безрукий? Он заслужил жалости?

Сердце ухнуло, когда Макс случайно встретился взглядом с Еленой, он поджал губу и тут же отвернулся к Ренату, которого практически не слушал, и положил руки на колени. Он словно чувствовал, что Елена смотрит. “Никогда не возьму тебя в отряд,” — загудело в голове. Вот, кто точно не был знаком с жалостью. Наверное, поэтому рядом с ней он не чувствовал себя “некондишкой”, но было одно “но”. Елена не говорила, но Макс всегда это чувствовал. Это было хуже унижений, хуже жалости. Это было разочарование.

Было ли это справедливое чувство? Да. Но если поводов недостаточно, то, когда Елена узнает, что на самом деле тревожило Макса все это время, разочарование точно станет оправданным. Если только... Макс не сможет переиграть все в свою пользу.

Рядом кто-то говорил о войне и спорил о том, как ее следовало бы закончить. Закончить, вот именно! Раз и навсегда!

Макс сжал кулак, скопище мыслей будоражило скомканные чувства, которые вместе собирались во что-то необъяснимое. То, от чего каменели мышцы и поднималась температура.

— Мы давно должны пойти в наступление и покончить с этим, — с соседнего стола донеслось яростное шипение, которое слово в слово отозвалось в голове.

Это было громкое уверенное несогласие.

Этой войне точно есть решение, просто главы предпочитают его не замечать! И Макс точно знал, что и зачем, он сделал. Столовая вдруг исчезла, и перед глазами, как в тумане, показалось взрытое поле.

Он видел картины перестрелок, представлял, как падают под пулями целые роты прямо на его глазах, а он бежит напролом с ручной гранатой, которую метко бросает прямо во вражеский блиндаж. Макса откидывает взрывом, он откашливается от песка и пыли, приходит в себя и видит белый флаг на вражеской стороне. И тело короля Крета в его, несомненно, белом кителе, залитом кровью, вырывающейся из раны где-то в боку.

Макс чувствовал, как в груди и шее до удушья, до боли пульсировало сердце так, будто легкие отвергали кислород. Пальцы крепко сжались в замок сами собой. Макс сделал три коротких рваных вдоха носом.

Перед глазами все еще развевался белый флаг врага. Вдохнуть не получалось. И как бы Макс ни старался, он все

равно не мог перестать видеть, что его тоже пронзило осколком. Прямо в шею.

Компания у барной стойки вновь разразилась хохотом, от чего мрак перед глазами рассеялся, и Макс вновь прислушался к разговору.

— Поперек горла уже эти “командиры,” вторую неделю бухают без продыху. Как бы им щас... — Ренат резко сжал кулак, а потом толкнул Макса локтем, — А ты чего в облаках витаешь? Неделя на голых камнях сделала свое дело. На, — он положил фуражку, а внутрь — купюру в сто пек, и извлек из кармана потрепанную колоду карт.

— Думаешь, я устал, поэтому будет легче развести меня на деньги? — Макс поднял одну бровь и добавил ставку.

— Знаешь, что я в тебе больше всего ценю? Проницательность, друг мой, про-ни-ца-тель-ность, — Ренат широко улыбнулся, от чего искривился белый штрих шрама на щеке, — Заработаю твоими силами на новые берцы.

— А со старыми что не так? — Макс удивленно вскинул брови.

— Кхм, когда Ной, сосед мой, тоже из Рехета парень, погиб, я его берцы взял. А сейчас уже и им хана. Считаю, многолетний пробег измотал.

— Видимо, и в гарнизоне проблемы, раз новые не выдадут. Но, — Макс наклонился ближе к Ренату, — Я думаю, это скоро закончится.

– Когда ты стал одним из тех фанатиков, которые каждый год войны называют последним?

– У меня кое-что есть, – еще тише сказал Макс подмигнув другу, который теперь уже очень внимательно слушал его, чуть наклонившись вперед.

Макс осмотрелся по сторонам, убедившись, что никого не было рядом. Вокруг их стола будто образовался вакуум, тогда как за спинами шумно гоготали солдаты, и все еще спорила о результатах войны компания за длинным столом. Радио вновь призывало рабочих в ангар откуда-то из угла. И тогда Макс набрал воздух.

– Кажется, я совершенно случайно пронес ядро сбитого дрона через пропускной пункт, – шепотом протараторил он. В его глазах сверкнул дикий восторг.

Ренат резко положил руку на плечо Макса и встряхнул его.

– Просто скажи, что ты пошутил, брат. То есть нет, лучше заткнись.

– Да-да, – довольный собой Макс убрал руку друга с плеча, – Я разобрал его на детали и запаковал вместе с осколками бомбы.

Держать в себе воспоминания о том, как ловко он вскрыл пробитую пулей обшивку дрона, как наугад вырвал и разобрал по пакетам внутренности робота, как спокойно пронес их через пропускной пункт, было невозможно тяжело и страшно. Но еще тяжелее было не рассказать никому о том,

как умно он придумал влезть в память дрона и выгрузить из него все данные, которые только возможно. И это станет причиной либо смерти, либо вознесения.

— Да ты просто самоубийца. Не зря говорят, что разведчики все башкой двинутые, — пробормотал Ренат, гуляя взглядом вокруг и кусая иссохшую нижнюю губу, — И что дальше, а?

Макс вздрогнул от неожиданности.

Прямо перед ними с шумом брякнулись тарелки, в каждой из которых ароматно дымилась вареная картошка, посыпанная крупной солью, а на краю теснились кусочки теплого черного хлеба, чем-то намазанные. Хозяйка вытерла руки об фартук.

— Это не нам, — сразу признался Ренат, отрицательно покачав головой. Но оторвать еще более шокированного взгляда от еды у него не получилось.

— Это ваши подружки просили вам передать, — подоброму улыбаясь, пояснила женщина, — Чтобы не захмелели.

Макс сразу обернулся за спину и улыбнулся Елене и Валерии, которые сидели за самым дальним столом.

— Потом обсудим, — проговорил Ренат, провожая взглядом хозяйку, — Без лишних ушей.

Оба руками схватились за картошку и тут же обожглись, а потом почти синхронно начали дуть на пальцы.

— Вот балда, — Валерия заплела волосы в низкий хвост, открывая аккуратные, слегка выступающие уши.

— Для меня ему все еще десять лет, — Елена тепло улыбнулась, покручивая в левой руке спасительную скрутку. Ее волосы завились мелкими кудрями от влажности, из-за чего стали еще короче.

Валерия вдруг поежилась, изучила взглядом деревянный потолок и, наконец, протараторила:

— Кстати, о нем. Максимилиан, ничего не сказал, но я вижу, что он очень волнуется за то, что устроил тогда у костра.

— Это его переживания или твои? — Елена прищурилась. Валерия не нашла, что на это ответить, поэтому просто пожала плечами, — Пусть сам скажет все, что думает, если хочет.

— Я просто не хочу, чтобы вы были в обиде друг на друга. И мы тоже.

— В обиде? — Елена улыбнулась. Певучий голос Валерии был полон переживаний, а брови по-детски собрались домиком, — Делать мне больше нечего.

— Тогда почему утром ты...

Елена глубоко вдохнула едкий дым и выпустила его в потолок, скрестив руки на груди.

— Потому что это моя работа. Ты позволишь больному в бреду расковырять свою рану? — в ответ на молчание, Елена кивнула и вскинула брови, — Никто не имеет право валять дурака на задании, пусть даже это мой брат. Если бы я продолжила его выгораживать, то подставила бы саму себя, а он и так с этим прекрасно справляется. Ему, знаешь ли, нужно

научиться быть самому по себе.

Валерия посмотрела в пол. Казалось, она ожидала совсем не такого ответа. С соседнего стола донеслись всхлипы: “В Бротлэнде живет моя подруга. Она до сих пор не прислала письма. Поскорее бы она получила разрешение переехать сюда, к нам.” Обе девушки с болью переглянулись, Елена шумно выдохнула и встала.

— В горле пересохло.

Она торопливо затянулась в последний раз, затушила скрутку в старую консервную банку и быстро направилась к кухне. Голова раскалывалась, хоть больше и не тошнило от желания покурить. Елена бросила взгляд на Макса: они с Ренатом многозначительно переглядывались, наклонившись над столом, и совершенно не обращали внимания на окружение.

Вдруг девушка врезалась в кого-то спереди и поспешила извиниться. А когда она подняла голову, на нее уставился недружелюбный взгляд лысоголового солдата.

— А, малышка Леман? Вернулась все-таки. Давно не виделись!

Елену обдало перегаром так, что она зажмурилась и задержала дыхание.

— Еще бы столько же тебя не видеть, рядовой Край, — подчеркнула она. Лютер Край, здоровенный солдат, в растянутой майке и с руками, исполосованными шрамами возвышался над ней на две головы.

— Командир Край.

— Тогда веди себя как командир. Дай пройти, не до тебя сейчас, — она шагнула в сторону, но Край снова загородил ей дорогу.

— Наслышан уже о твоих успехах! Без документов ты теперь гражданская, — он рассмеялся. Один из лысоголовых выплюнул пару оскорблений, но затих, как только Лютер поднял ладонь и растянул на лице самодовольную улыбку.

Елена увидела краем глаза, как за соседними столами начали оборачиваться и перешептываться. Она поджала губы и закрыла глаза. Голова раскалывалась, раздражение встало комом в горле.

— Отвали, — тихо, но твердо бросила Елена, посмотрев ему в глаза.

— Смелая слишком так со мной базарить.

— А не ты ли хвалил меня за это когда-то?

— Да, а потом понял, что смелые первымидохнут, — Лютер ухмыльнулся. Его стеклянные глаза сверкнули, — Настоящему мужику не запахло признавать ошибки.

За его спиной загоготали, и Елена снова закатила глаза.

— А-а, так значит, боевой дух для тебя больше ничего не стоит?

— Там, — Лютер указал пальцем в неопределенном направлении, — Важно то, чей приказ выполнять.

— Тогда следи за собой. А то однажды твои приказы перестанут выполнять.

На лбу Лютера вздулась вена, улыбка дрогнула.

Он схватил Елену за воротник и притянул к себе, на его красной от алкоголя физиономии не было и следа веселья.

Елена уперлась ногами в пол и сжала кулаки. Он сейчас был опаснее пистолета, от оружия хотя бы знаешь, чего ожидать. Елена стиснула зубы, подавляя желание плюнуть ему в лицо.

— Убери руки.

— Лютер, да брось ты это, — неуверенно сказал один из товарищей, но не сдвинулся с места. — А то что, а?

— Отошел, — сказал Макс. Лютер обернулся.

— Пришел подружку защищать, некондишка?

— Эй, командир, на поле боя так выпендриваться будешь, — хмуро произнес Ренат. Он отвел Елену за локоть и заслонил ее собой. — А вы своего пса на привязи держите. Командиры, — он сплюнул и уверенно вздернул подбородок.

За их спинами стояли обеспокоенная хозяйка, Валерия и несколько скучающих зевак. Даже компания за большим столом увлеченно наблюдала за происходящим.

Друзья Лютера напряглись, кое-кто бросил парочку ругательств, но никто не осмелился вмешаться без разрешения.

Ренат неторопливо закатал рукава.

— Не думай, что я не смогу вывернуть тебе пасть.

— Ренат, — одернул его Макс.

— Тихо! — мягкий голос хозяйки перекрыл шум. Она прошла вперед, уперев руки в бока. — Если у вас есть вре-

мя на ругань, значит, нет дела. Я вам его быстро найду, — строго отчитала хозяйка.

— Им-то точно дело не помешает, — добавил Ренат.

— Проваливай. Или будешь позориться дракой с девушкой и некондишкой? — ухмыльнулся Макс, указав на Лютера подбородком.

Лютер угрюмо взглянул на Елену сверху вниз.

— Посмотрим, кто встанет за тебя, когда рядом не будет семейки, — он толкнул Макса плечом и направился к выходу. Лютер взмахнул рукой, и солдаты двинулись следом — все как один.

Чуть погодя Макс и Елена вышли из обшарпанной двери столовой, следом за ними Ренат и Валерия. Рядом со входом стоял ящик, из-под крышки которого торчал край противогаза, над ним на крючках висели керосиновые лампы “летучие мыши”, а также лопаты и несколько комплектов химзащиты.

— Что это было вообще? Лютер Край, снизошел с поста командира отделения, чтобы подраться с девушкой? — выдавил Макс, держась за живот. Он так жалел, что не мог это запечатлеть, чтобы потом пересматривать момент много раз.

— Я помню его еще тощим пацаном. На него дунь, он и упадет, — ухмыльнулась Елена. От воспоминаний карие глаза вспыхнули огоньком озорства, — Сейчас, чтобы уложить этого кабана, нужно хотя бы быть вдвое выше.

Елена вновь достала скрутку и стала хлопать по карманам

в поисках спичек.

— Раз так, зачем ты полезла с ним в спор? — хмуро спросил Ренат, подав девушке спичечный коробок.

— Да он сам начал, Лютер эгоист и выпендрежник, — Елена чиркнула спичкой по коробку и подкурила скрутку, а потом с наслаждением наполнила легкие горьким дымом, — Ему просто в лицо сказать бояться. А мне за это не жалко получить пару синяков.

— И все равно! Будь осторожна, — пролепетала Валерия.

— Никогда еще не видел, чтобы эта просьба кем-то выполнялась, особенно разведчиком, — покачал головой Ренат, — Эй, Атталь, мы здесь расходимся.

— Да. Расходимся с девчонками, — Макс подмигнул Ренату, — Слышал, звали рабочих в ангар?

Парни поторопились в сторону узкой улочки, ведущей к казармам, вызвав удивление своим рвением к работе в день после возвращения домой.

Разошлись. И вместе со смехом испарилась и легкость, оставив после себя тягучее волнение. Оно встало в горле комом одновременно с тем, как участилось дыхание, и каждый шорох отзывался в голове приказом остановиться. Казалось, что прохожие смотрят прямо на Макса и точно знают, что у него за пазухой, что они точно запомнили его лицо.

Наверное, Ренат ощущал то же самое, потому что молчал и озирался по сторонам. Спрашивать он не решался, и до самой развилки они оба так ничего и не сказали. Только кив-

нули молча друг другу на прощание.

Макс спустился по широкой параллели к огромным деревянным ангарам и складам и задержался успокоить дыхание. Периметр был огражден высоким забором под напряжением, в центре ровным квадратом вырисовывалась площадка, достаточно широкая для того, чтобы расположить там несколько единиц техники. На ней стояли грузовые автомобили.

Ворота ангара были открыты. Внутри стояла бронированная машина с гусеничными колесами, станки и верстаки, но ни одного техника не было видно.

Макс бросил недоверчивый взгляд в сторону пристройки. Программистов из лаборатории тоже не было видно.

— Еще спасибо скажут, — буркнул он себе под нос.

— Давай резче, малец, встал тут в проходе.

Макс вздрогнул от неожиданности и шмыгнул внутрь, пропуская своего наставника, Андрэ, широкоплечего, черноволосого мужчину, с повязкой на правом глазу. Он подтолкнул Макса в глубь ангара, и тогда стало слышно, что внутри, как на зло, что-то происходит.

В конце зала на длинных скамьях, поставленных друг за другом, сидели мужчины в комбинезонах, некоторые в касках, взрослые и молодые, и мальчишки лет четырнадцати в первых рядах. Почти все, как и Андрэ отличались очевидным недостатком конечностей или хромотой. За их спинами играли блики света, слышался четкий голос из динамиков. Наконец, Макс различил источник света: замороженные ра-

бочие сверлили взглядом цветной экран. С него обращались главы пунктов.

Макс сел и погрузился в слух, чуть приоткрыв рот, кажется, вещание началось несколько раньше.

— ...Быть преданными, — вещал с экрана лидер семнадцатого пункта, — Нашему дому, нашим семьям — Вот в чем действительно кроется сила. Мы знаем, что народ Игнис беспокоит молчание. И именно сейчас Восточный Крет совершает очередные попытки разобщить нас не силой, но сомнением. Цель врага — заставить нас сомневаться в собственных ценностях и сдать позиции, подчиниться.

— Вы согласны преклонить колени перед тем, кто убил вашу жену, вашу мать, отца, ваших братьев и сестер? — решительно вступила лидер двадцатого пункта. На экране крупно появилось ее хмурое лицо и глаза, наполненные слезами. Она моргнула и на щеке до подбородка появилась влажная дорожка.

— Нет, — в унисон прошептали из разных углов, от чего вышел один громкий печальный и пронзительный протест.

Макс уперся в скамью и с силой сжимал ее, пока кисти не ослабели от неконтролируемой дрожи.

— Нет, — проговорила глава, уже не лидер, а просто женщина, словно слышала ответ каждого, — Для Восточного Крета эта война лишь попытка расширить территорию. Но для меня, — женщина ударила кулаком в грудь, — Для меня — это свобода отстаивать свое право жить. И пока я могу,

пока мы можем противостоять, мы будем.

— Я скажу от лица всех глав, — гроыхнул голос генерала Лебовски, возникшего на экране, — Никто из вас не обязан соглашаться с каждым нашим распоряжением. Но имейте ввиду, любой наш шаг направлен на решение военного положения. Единственная ваша обязанность — быть честными с самими собой и нести ответственность друг за друга. Игнис не одна, каждый день мы налаживаем отношения с дружественными государствами и получаем помощь от тех, кто поддерживает нашу сторону в конфликте. Сегодня я призываю вас выбрать холодный разум и проявить терпение. В День Памяти почтим погибших города Бротлэнд.

Экран погас, рабочие опустили взгляды в пол. Молчание прерывали вздохи, крикание, кто-то всхлипнул.

— Я жил там до начала войны, — глубоким грудным голосом горько проговорил кто-то.

Макс не поднял головы. Бротлэнда больше нет. От него остались одни развалины да дыры оконных рам. Макс закрыл глаза и поднял голову в потолок, сглотнув ком в горле.

А тот мальчик, которого вытянули из-под плиты... Сколько он еще дышал после взрыва?

Казалось, все в ангаре задавались этим вопросом. И от того росла ненависть к Крету.

Макс дождался, пока рабочие начнут расходиться, и слился с потоком, медленно тянущимся к пока еще пустующей пристройке. Он настойчиво до крови ковырял кожу вокруг

ногтя большого пальца, пока перед глазами вспыхивали буквы одна за другой: *“Никто из вас не обязан соглашаться с каждым нашим распоряжением”*.

— Но все обязаны подчиниться... — буркнул он себе под нос и тут же одернул себя. Елена бы сказала ему помолчать об этом. Как будто его слова могли что-то изменить. Макс вдруг почувствовал, как правую руку сковало тремором, он ей не владел, не мог прекратить это, поэтому остановился, чтобы успокоиться. Назад ведь уже не повернуть.

Ядро дрона, как гиря, оттягивало внутренний карман. Нужно было понять, куда его деть, и как подключить к компьютеру. Макс знал, что его можно программировать, но просто спросить об этом сотрудника лаборатории было очевидной ошибкой. Переступив порог пристройки, Макс подошел к компьютеру и цокнул языком. За все время он только третий раз хотя бы краем глаза видел это устройство, поэтому по чистой удаче наугад нащупал кнопку включения. Компьютер зашумел вентилятором.

— Эй, ты что делаешь?

Макс вздрогнул и отступил на шаг назад. На пороге стоял длинный и сухой мужчина в растянутой кофте.

— Да я просто...

— Слушай, ты техник или кто там, вот и иди работай, коробки таскай, — грубо перебил мужчину и отрезал Макса от компьютера.

Макс недовольно фыркнул на него и встряхнул рукой. На

экране компьютера он успел увидеть строку для ввода пароля, как на некоторых взрывных устройствах, а потом изучил полки с промаркированными контейнерами.

— Мне интересно было, вот и решил посмотреть.

— Ты что-то нажимал? — встревоженно спросил мужчина, а Макс пожал плечами, указав на клавиатуру.

И пока тот отвернулся, Макс вынул пакеты с частями дрона и в последний раз взглянул на них. В свете лампы на одной из деталей мелькнула гравировка "Игнис", но разглядывать было некогда, поэтому он сунул пакеты под крышку самой верхней коробки с полки рядом. А потом ухмыльнулся и вышел, чувствуя, как бешено бьется сердце.

Выгравированные буквы не выходили из головы, и Макс в шутку предположил, что родная страна программирует дронов против своих, а потом испугался и тряхнул головой. Если бы кто-то мог читать его мысли, то сидел бы Макс сейчас за решеткой в карцере.

Да и чем эти компьютерщики занимаются? Ничего путевого так и не запрограммировали, только стулья просиживали.

— Девочки, — радостно заулыбался Виктор, приглашая их в свою каморку, когда увидел на пороге, — Вы тут хозяйничайте. Вот, Валерия, чайник, кружки. Я в тазах воду нагрел, мойтесь! — хлопотал дедуля. — А мне работать пора, давайте сами, дети.

Когда Виктор исчез в узком проеме, ведущем в магазин,

Валерия стянула ботинки и тут же плюхнулась на манившую синим покрывалом кровать, положив руки под голову.

— Ну, и хорошо, что Максимилиан сбежал со своим другом, — она похлопала по кровати, приглашая Елену прилечь, но девушка покачала головой и села за стол, — Хорошо, что у дедули такая удобная кровать, а то на диване в мастерской так неудобно. У дедули спина... больная...

Валерия широко зевнула и вдруг резко села, сбросив сонливость. Она сняла кофту, а потом вытянула, заправленную за пояс, футболку. Под ней все еще таились привязанные листы бумаги.

— Не дай Создатель, Виктор увидит, — прошептала Елена и громко отхлебнула крепкий чай, на вкус напоминавший опилки с землей.

— Ложка меда в бочке дегтя, — она отряхнула ладони. На ее светлом лице растянулась улыбка до ушей.

Валерия методично распаковала листы, без разбора сложила их в стопку, потом осмотрела комнату повнимательней и выбрала щель между стеной и комодом в качестве потенциального тайника. Прибив стопку страниц по бокам для ровности, она не удержалась и все же выцепила пару строк. Однако мурашки, пробежавшие по спине, были вовсе не признаком удовольствия.

— Елена?

— Мм?

— А ты никогда не думала, что некоторые люди, вроде Ли-

лии... Ну, предположим... Могут говорить правду? — протараторила Валерия на одном дыхании, лишь бы не отказаться от идеи спросить об этом вслух. Елена молчала, напряженная от упоминания предательницы. Она смотрела на Валерию, нахмурившись. — Нет, забудь... Я просто...

— Я никогда не пыталась искать логику в их бессвязном бреде, — отчеканила Елена с некоторым отвращением, будто сама мысль о том, чтобы вслушиваться в это, казалась ей неприятной, — И тебе не советую.

Валерия села на край кровати, не отрывая взгляда от страницы. Она напрягла память, пытаясь вспомнить, что бормочут себе под нос пациенты и раненые солдаты, что говорят выжившие в нападениях. И эти обрывки фраз странным образом вторили друг другу и словам на странице: *"О ликвидации догадаться было не трудно, как и о м... ..ол... блоков. Я бы радовался своей проницательности, если бы не безысходность положения."*

— Просто Лилия была так сломлена. Не только она, — Валерия, наконец, посмотрела на сестру и поджала пухлые губы, — Очень жаль, что мы не смогли спасти и ее.

Елена выдохнула и сдвинула брови к центру с сочувствием, она присела рядом с и приобняла Валерию за плечи.

— Ты не виновата в том, что они страдают. Ты не можешь спасти всех, хоть и стараешься во вред самой себе.

Валерия прижала страницы книги к груди, коротко улыбнулась и спрятала страницы в тайник.

Вскоре Валерия уснула, удобно устроившись на кровати. Елена накрыла ее одеялом и вернулась к своей кружке чая. Она помешивала его, подперев голову рукой, и задумчиво наблюдала за ее сном.

В одной только Валерии было столько жизнелюбия, что было просто невозможно ругать ее за любовь к книгам или иногда излишнему сочувствию. Она совсем не изменилась со времен, когда была девочкой. И поэтому иногда Елене хотелось спрятать ее за комод так же, как Валерия прятала книги. Чтобы никто не нашел, и все оставалось на своих местах, только Елена все больше чувствовала себя бочкой дегтя в жизни брата и сестры.

Из-за стены глухо раздавался голос Виктора и еще чей-то. Тогда Елена сняла куртку, оставаясь только в серой майке, и расправила крепкие плечи. На коже скрещенными рубцами вились шрамы, к которым Елена и сама старалась не прикасаться.

Она прикрыла глаза. На расслабленном лице промелькнуло что-то похожее на усталость, но не физическую. Она почувствовала, что первый раз за долгое время осталась совсем одна и была рада этому мгновению, потому что могла позволить себе не смотреть по сторонам, оставаться только в своей голове.

Худыми пальцами девушка водила по шершавой поверхности старой скатерти.

Руку приятно кололи воспоминания, которые навсегда

были запечатаны в этом доме. Вспомнилось, как ругался дедушка на шалости маленького Максимилиана, такого высокого не по годам мальчишки с растрепанными русыми волосами и такими большими глазами, что в них могло отразиться все небо сразу - от края до края. Маленький бандит, воришка пряников из серванта и мечтатель, бесконечный мечтатель, который всегда оставался в своем маленьком мире, пуская туда только самых близких. Елена коротко улыбнулась, вспоминая, как пришлось снимать его с крыши, когда он первый раз забрался туда, но не смог спуститься сам. Как он виновато оправдывался за то, что взял ароматную булочку со специями, спрятал ее в карман, а потом слопал за углом. Как ей вместе с Максом пришлось подраться с мальчишками, которые дразнили Валерию.

Валерия... Какая она была нежная и прекрасная. Как будто вышла со страниц одной из книг, которые читала. Девочка отличалась фарфоровым лицом и круглыми глазами, всегда добрыми и внимательными. Русые волосы раньше золотились на солнце. Она была не в том месте. Не в том времени. Не для нее был этот опасный мир, от которого ее так хотелось отгородить. Валерия стопками читала книжки, даже сама что-то писала в тетрадке, танцевала под скучную музыку из приемников и восхищалась. Восхищалась солнцем, небом, яркими красками, лицами, каменной кладкой домов, дождем и чудом, которое она во всем искала. Елена пыталась сохранить это чудо, насколько могла. Страдания Вале-

рии всегда намного ярче ощущались побитой душой, чем ее собственные.

Елена проморгалась и взглянула в светлый квадрат окна. Бабочка с белыми крыльями засохла между стекол. Она была словно живая, как-будто еще колыхались ее легкие крылья, и шевелились ее ничтожные усики. Такой же ничтожной чувствовала себя Елена, наблюдая за маленьким насекомым. Только себя она считала еще гусеницей, а значит, более легкой добычей.

К чему стремилась та бабочка до того, как попала в ловушку между липкими грязными стеклами своей тюрьмы? Правда ли, что ее жизнь бесконечно стремится только лишь к смерти, как рассказывал об этом Виктор? Или она, как человек, просто существует по предписанным указаниям кого-то свыше, которые диктуют ей сценарий ее коротких лет? Все это неправда, так решила Елена для себя.

Это люди живут, как насекомые под стеклом. А не наоборот.

Закат незаметно подкрался из-за горизонта, очертив пики Скалейного хребта с запада. С одной стороны гора высокой чернеющей стеной слилась с небом, а с другой — стала словно всполохом языка пламени, пытающимся дотянуться к солнцу. Люди стали подниматься на крыши, чтобы проследить путь грузовиков с письмами. В этом году потребовалось много больше бумаги.

Троица устроилась на крыше дома, где снимал комнату Макс. Это было одно из двух трехэтажных зданий в Логове. Кроме того на крыше были хозяин дома и старушка с внуком. Для них Макс положил доску на ведра, соорудив скамейку, а сам сел рядом с девушками на краю и свесил ноги. Виктор провожал день Памяти на плацу: с больной спиной он не мог подняться на крышу.

По всем радиоприемникам прокатилась волна шипения, а потом они в один голос зачитали ту самую речь, которую Макс слышал днем в ангаре. В начале сказали, что Бротлэнд частично эвакуировали. Вот как? Он взглянул на сестру, которая вслушивалась так, словно ветер уносил слова от нее. А затем на Елену. Он видел, как ходила ее напряженная челюсть, как нахмурились брови. По правде говоря, Макс редко видел ее другой.

Как только радиоприемники умолкли, машина затарахтела к воротам по основной параллели. И было бы скучно наблюдать за этим, если бы не старушкин разговор с внуком. Он спросил, когда он умрет. Всем хотелось бы знать, что это наступит не скоро. Старушка посадила внука на колени.

— Когда я приехала сюда много-много лет назад, все вокруг было покрыто густым лесом, а там было цветочное поле. Я была маленькая, как ты.

— Да ну? — не понятно, чему мальчик удивился больше, тому, что раньше на месте болота было поле или тому, что бабушка была маленькой.

— Тогда я думала, что всегда буду приходить туда, лежать в цветах и смотреть на облака. Но потом поля не стало. Оно горело так долго, что трава так и не выросла снова.

Елена хмыкнула себе под нос и посмотрела на гору, щурясь от солнца. Валерия рядом поежилась от неловкости.

— Все когда-то проходит, — заключила старушка.

— А война?

— И война пройдет. Все проходит, — кивнула она.

Елена обернулась на старушку, пораженная ее словами. Будто старушка говорила про дождь, который начинается и кончается по неведомым законам природы, на которые никак нельзя повлиять.

— Война не может просто взять и кончиться, — удивленно возразила Елена.

— На все воля Создателя, — ответила ей старушка.

— Но не Создатель начал войну.

Старушка улыбнулась, она смотрела в глаза Елены так долго, что у той пошли мурашки по спине. Конечно, старушка-то уже пожила жизнь, чего ей волноваться о будущем. Но разве ей все равно, в каком мире будет жить ее внук, который и цветка не нюхал? Она была похожа на сумасшедшую.

— В начале всего стоит Создатель, — загадочно ответила старушка, приобняла внука и продолжила, опережая его вопрос, — Много веков назад, еще до того, как родились первые люди, между мистическими братьями разразилась жестокая война. Наш Создатель положил ей конец, погиб сам,

но до этого сделал все, чтобы породить существ, умеющих созидать, а не разрушать.

— Кого это? — нетерпеливо спросил мальчик, на что старушка хрипло посмеялась.

— Людей. И великие могут ошибаться. Не могло существо, подобное Создателю отличаться от него.

Елена переглянулась с Максом и Валерией, переваривая эти слова. В целом, нельзя было ожидать, что все останутся при своем уме в таком возрасте. Однако непринужденность старушки не оставляла Елену в покое. Перед ней сидела взрослая женщина в мешковатых штанах и персиковой рубашке, подвязанной тяжелым кожаным ремнем на месте, где должна была быть талия, а ее голову венчала белоснежная косынка. Так выглядели почти все женщины из теплиц в это время года.

Только прищурившись на солнце, девушка наконец заметила загорелое лицо с морщинками-лучиками у глаз и воздушную улыбку. Во взгляде старушки совершенно не читалось жадности момента, она наслаждалась закатом так, будто... Будто была счастлива? Будто ей этого было достаточно?

Злость горчила на языке. Хотелось крикнуть: “Да как она смеет?” Прямо как женщина в столовой, осудившая праздник Крета. Как можно с таким удовольствием смотреть на израненную землю и столпы костров, уносящих с собой слова стольким погибшим? Неужели, даже когда дети Бротлэнда медленно умирали под бетонными плитами, люди в Ло-

гове спокойно засыпали?

Сердце заколотилось в груди, и Елена повернулась к солнцу, не моргая, чтобы почувствовать, как свет жжет глаза. Нет, она чувствовала, значит не спала. Удивительно, как давно из ее мира стерлись лица, что она перестала замечать? Давно ли люди смирились?

Она взглянула на Макса и нахмурилась, вспоминая их ссору у костра прошлой ночью. Наверное, он испытывал то же самое.

А Создатель? Может, будь он жив, ему по-отечески сложно было бы истребить своих отпрысков, чтобы закончить этот глупый эксперимент по воле своей. Или ждал бы когда истинный создатель войны, король Крета, прекратит свои начинания? О, нет. Бесполезно. В чем люди превзошли божество, так это в бессмысленной жестокости, жадности и, что иронично, абсолютной бесчеловечности.

Вокруг одни Создатели, хоть бы кто объяснил им, что это слово противоположно разрушениям, которые они привнесли в распорядок каждого дня.

Солнце окончательно село, и стало так темно, словно мир накрыли тарелкой. И вдалеке, на холмах, можно было разглядеть маленькие огоньки кострищ. Игнисцы еще с час проводили свои послания к погибшим и постепенно стали возвращаться домой.

Елена похлопала Макса по плечу и спустилась с крыши, оставляя их с Валерией наедине. Парень положил руку на

плечо и покивал.

— Ты чего? — спросила Валерия, заметив его покачивания из стороны в сторону.

В ее глазах дымкой парила усталость, но ночной воздух быстро отгонял сон прохладой. Когда Елена спустилась, Валерия уже готова была провалиться в безмятежную тьму, как вдруг слышала переливы гитарных струн.

Макс зевнул и осмотрелся, убедившись, что никого вокруг нет. Из-за бетонной перегородки он вынул гитару, положив ладонь на струны. Валерия улыбнулась ему, прильнула к плечу и убрала пряди волос за уши.

— Решил пошуметь напоследок? — по-доброму упрекнула она брата и потрепала его затылок.

Макс ничего не ответил, только поставил гитару на колени, левой рукой зажав струны. На его свежевыбритом лице кое-где шелушилась кожа от неровного загара. Молодой человек дернул кончиком носа: эта привычка появилась у него после перелома, оставившего горбинку на память. На губах замерла улыбка. Он смотрел в сторону горизонта. Таким его видела Валерия — сонным, задумчивым, настоящим.

Воздух над ними наполнялся стеклянным перебором верхних струн, рассказывающих о чем-то далеком. Следующий такт, чуть более глубокий, ознаменовала нижняя струна, разбиваясь отзвуками от крыш, перекладин и проводов...

Луна выглянула из-за тучного облака, будто тоже поддавалась этому порыву, захотела спуститься на землю, прервав

свое безмолвное одиночество. Звезды обрамляли ее мерцающим венцом искр, случайно рассыпанных на небосводе когда-то кем-то могущественным. Он, наверное, знал, что эти маленькие жемчужины на черном небе станут внимать бессловесной песне с крыши дома, одного из миллиона таких же. Но знал ли Он, что им придется наблюдать повсеместно взрывы и кровь? Сквозь крик бесцветными губами последователи просили Его прекратить это: и взрывы, и кровь.

До черты между небом и землей была взрытая почва, перелески лиственниц, холмы и горный хребет, а за ним — другой мир. Тот мир, который пугал и манил, который все ненавидели.

В ту ночь ветер нес только запах влажной листвы.

Валерия лежала на плече брата с закрытыми глазами, под мелодию колыбельной.

— *Я плыву по ночным просторам, укрывая тебя крылом...* — вдруг тихо запел Макс. Валерия улыбнулась. Ее голос звонко вторил брату:

— *Сизый прах просыпала над долом... Я же феникс, умру — поделом...* - их голоса звучали уже в унисон. Все знали эти строчки, для каждого они ассоциировались с любовью, теплом и матерью. Макс посмотрел на сестру и не смог сдержать улыбки, внутри у него что-то трепетало. “*Как же я счастлив...*” — подумал он.

И вдруг откуда-то справа прогнусавил мужской голос: “А ну ползайте с крыши! Спать не дают! Ишь!” Мелодия пре-

рвалась смехом. Макс отставил гитару и обнял сестру, широко улыбаясь.

— Опять досталось, прямо как в детстве, когда мы бросали мешки с водой с крыши, — посмеялась девушка и вновь потрепала его по затылку, замечая смущение, — Расчувствовался, братишка?

— Да как же. Просто замерз, — пробормотал он в ответ, отвернувшись к небу. Он всегда смотрел наверх.

— Не думай об этом, слышишь? — толкнула Макса Валерия, когда поняла, что пауза длится слишком долго.

— О чем? — пришел в себя Макс.

— О том, о чем ты думаешь. Откуда мне знать, что у тебя в голове? — возмутилась девушка и нахмурилась, закутавшись в кофту.

— Переживаешь за меня, значит, — усмехнулся он, — Да ни о чем я не думаю. Просто... Просто.

Лицо парня сделалось вдруг очень спокойным, не выражающим никаких эмоций.

— Сама как?

— Опять переводишь тему, — Валерия закатила глаза и всплеснула руками. — Я уже в порядке. Если переживаешь о том, что сказала Елена, то она не злится и не станет держать обиду, особенно на тебя.

— Это потому что на дураков не обижаются? — усмехнулся Макс и оперся локтями в колени, наклонив корпус вперед. — Как бы я ни старался, все не то, да не так.

Валерия наклонилась зеркально брату.

— Это неправда. Чтобы ты знал, мне тоже страшно, и я очень рада, что ты не...

— Не стал нормальным солдатом, да? Из-за моих рук я бесполезен! — Макс посмотрел на свои ладони, на пальцы, они неконтролируемо тряслись, — Пока другие рискуют жизнью, все, что я делаю, это отсиживаюсь здесь. Тут я ни на что не смогу повлиять. И если даже Елена не поручится за меня, то кто? Даже она уже не верит, — парень сжал зубы.

— Ты дурак. Вот правда! — Валерия встала перед братом, обхватила его лицо ладонями и заставила смотреть на себя, — Как вообще такое может прийти в голову, Максимилиан? Ты только что сыграл такую чудную мелодию и ни разу не разжал пальцы. Это уже начало проходить, видишь? Твоя рана давно зажила.

— Да ну? А вот остальные считают меня некондишкой, — Макс убрал ее руки. Валерия только пробормотала:

— А я так не считаю. И, если что, мои руки — твои руки, слышишь?

Девушка не стала больше ничего спрашивать, она думала, что брат просто устал. Не хотелось снова поднимать волны его безумного океана на дыбы.

— Завтра о-очень много дел, Макс. Подготовка озимой картошки и перекопка грядок.

— А я еще не решил, пойду ли в ангар. Может быть, я вообще заболел, — Макс скорчил ей самодовольную рожицу,

выбравшись из своей раковины или наоборот забравшись в нее поглубже. Он пошел к лестнице. Гитара привычно оказалась в его руке. — Я музыкантом, кстати, не бесплатно подрабатываю.

— Поёшь ты так себе, — ухмыльнулась девушка.

Бросаясь шутливыми угрозами, Макс спустился вниз по лестнице, а потом подал Валерии руку. Жест девушка проигнорировала.

— Попроси меня еще о чем-нибудь.

Макс остановился и скрестил руки на груди, а мгновением после Валерия запнулась об порог и врезалась локтем в дверь. Уголки губ подрагивали от сдерживаемого смеха.

Валерия показала ему язык напоследок, прерывая перепалку за неимением аргументов, и направилась к дому. Виктор точно еще не спал, дожидаясь внучку.

А Макс вошел к себе молча, сообщая о своем присутствии лишь скрипящими досками пола. Дверной проем черной ямой зиял в стене, он втянул Макса в свою глубину. Парень привычно за два шага достиг постели, на ходу раздеваясь. Куртка упала на спинку стула у окна, футболка нырнула под кровать, штаны остались на полу.

Он так устал. Непросто скрывать что-то от сестры. Особенно то, чем невероятно хотелось поделиться!

Рой назойливых мыслей решительно мешал Максу закрыть глаза, как надоедливое насекомое.

“Идиот! — командным голосом кричал командир из его

воспоминаний, — Какой солдат из тебя выйдет, если ты не можешь оставить какую-то девчонку?” А он не мог. Как можно отпустить единственного родного человека, самого близкого, самого ценного, ради толпы незнакомцев? Он все никак не мог забыть тот взгляд сестры, которым она провожала его за ворота казармы: глаза дикие, как у побитого щенка, полные скорбных слез и отчаянья. Макс не мог описать это словами, но каждый раз снова и снова чувствовал, как все тело леденело, становилось очень страшно и душно, но забыть все никак не получалось.

Им было тогда по пятнадцать лет. “Стройся!” — скомандовал опять тот голос прошлого. Мальчикам выдали нашивки с именами и номером. “Фамилия!” — рычал голос. “Еще чего...” — шептал в ответ Макс. “Фамилия!” — снова повторил голос. А Макс крикнул, что отвечать не обязан. Левую щеку обожгла пощечина. Голос ругался о чем-то невнятно, его перебивал звон в левом ухе. Ну и пусть! Никто не имел права называть его сестру “какой-то девчонкой”.

Наверное, тогда его и невзлюбили.

Макс закрыл ладонями лицо и улыбнулся своей детской глупости.

Сейчас-то все в его руках. Совсем скоро он, возможно, сделает огромный шаг вперед. Но это завтра.

Следующие пару минут парень старательно отгонял любые мысли, чтобы уснуть. Его глаза медленно закрылись под тяжестью усталости, руки расслабленно обняли колючее по-

крывало. В комнате стало совсем тихо.

Под контролем

Макс едва открыл глаза, когда в дверь неистово забарабанили. Запинаясь об ноги, парень добрался до двери и резко раскрыл её. Он совершенно не удивился тому, кто за ней стоял.

Из освещенного желтой лампой коридора на него вылутился Болек, низкорослый лысый мужичок, всем своим видом напоминающий жабу. Несмотря на блестящую лысину, под носом пушились чёрные усищи, закрывающие верхнюю губу.

— А, проснулся, музыкантишка, — подпрыгивая на каждом слове, прогнусавил он, — На часах уже восемь, а ты ещё дрыхнешь, когда все уже работают, как проклятые. Ишь!

Макс послал бы его за три холма, но язык не желал двигаться, как надо. Вместо проклятий парень выдавил невнятный звук и недовольно скривил лицо.

— Завидуй молча, Болек. Я у тебя комнату снимаю, а не приказы слушать нанимался, — прохрипел Макс. Он уже давно решил для себя, что если утром первым видит хозяина дома, то все пойдет не по плану.

Хозяин пошуршал к лестнице на первый этаж, недовольно ворча на весь дом.

Парень закатил глаза и закрыл дверь, снова прильнув к подушке. К счастью, его болтливого соседа по комнате снова

не оказалось на месте.

Макс думал, как хорошо было бы вернуться на пару часов назад, на крышу, взять с собой гитару, смотреть на чернеющий на горизонте хребет и мечтать о том, о сем. Но на этой картине вдруг возникла усатая луна в виде омерзительного лица Болека. Макс рывком перевернулся на спину, а потом так же быстро сел.

— Дрон! — прохрипел он, внезапно потеряв голос.

За окном радио передало: “В ангары доставлена поставка провизии. Погода обещает быть солнечной. На границе без происшествий. Благодарим Создателя за силу прожить еще один день”. Значит, в ангаре сейчас уйма народу. Как не вовремя!

Пакет с деталями сейчас лежит в одном из контейнеров лаборатории, а возможно уже найден. В таком случае, весь план насмарку, однако Макс этим риском отвел от себя подозрения хотя бы на время. В любом случае надо поторопиться.

Перепрыгивая ступени, Макс сбежал на первый этаж и уже собирался вылететь на улицу, как перед ним возник Белек.

— А ну-ка, задержись на пару ласковых.

— Что еще? — буркнул Макс и закатил глаза. Мужчина встал прямо у двери, не давая пройти.

— Вот, смотрю на тебя, нормальный же парень, — прощавкал он, — Ты послушай моего совета. Уймись. Найди

себе дело нормальное, пользу приноси, трудись побольше некоторых. И будет тебе спокойствие и уважение.

Макс округлил глаза.

— Совет не по адресу. Я и так работаю.

— Мало. Мало работаешь, — в конце он снова чавкнул челюстью и указал большим пальцем за спину, в сторону входной двери, — Там, слышишь, с утра уже люди пашут. А ты все матрасы пролеживаешь, ишь! Гитары-шмитары, — Боек скривился так, будто говорил не о музыкальном инструменте, — Оно мне зачем это слушать каждый вечер? Лучше бы стены подлатал, да крышу заменил.

Макс проморгался, пытаясь понять, проснулся он или это еще сон.

— Мне идти надо. Я советов твоих не спрашивал, пусти. Боек раздул ноздри.

— Ты думай, с кем говоришь, а! Я же одним словом быстро тебя на улицу вышвырну, и будешь ты у своего деда ныкать. Никто тебе и угла в доме не выдаст, нахлебник неблагодарный.

Макс сжал кулаки, чувствуя, как волнение становится злостью. Это жабоподобное лицо он и так терпеть не мог за слова, которые оно изрыгает, но сейчас ему было вообще не до того.

— Я не нахлебник.

— Не нахлебник, так уклонист. Оно какая тебе разница? Что то, что это, — он изобразил плевков.

Макс буквально протаранил Болека и выскочил на улицу, чувствуя, как неистово болят руки от того, что кулаки не пошли в ход.

— Иди, иди! То что дед за тебя просил, еще не значит, что тебе все в этом мире можно! — Боек оставил-таки за собой последнее слово.

Да, Виктор и правда поручился за Макса перед солдатским комитетом, пользуясь своими военными заслугами и опытом, перед Боекком, чтобы тот позволил ему жить в комнате под крышей за сущие копейки по знакомству, даже перед Андрэ, чтобы тот лично стал наставником внука. Но разве Макс не своими руками делает все, чтобы принести пользу Игнис?

— Сволочь, — констатировал он и побежал по переулкам.

Улицы сегодня казались ненормальными: выходной дали всем, кроме дежурного врача, рабочих ангара и теплиц. Даже патрулей Макс не заметил, а возле столовой уже шумели пьяные игнисцы. Но даже в законный выходной нельзя было отдохнуть без чувства вины и долга.

Быстрым шагом Макс практически домчался до ангара, кипевшего от активной работы. Кто-то кричал, грузили тачки на площади. И тут его окликнул Андрэ, крупный, широкоплечий мужчина с вмятиной вместо правого глаза. Из-за этого он мог казаться жестким и недружелюбным, однако на деле все было совсем наоборот.

— За работу, малец! Разведка - не оправдание, уяснил?

— раздалось прямо над ухом Макса, тот тряхнул головой и проморгался. Кажется, его тошнило.

— Да, — только ответил он и поплелся к стоянке грузовиков.

Контейнер за контейнером, коробка за коробкой, час за часом... Макс грузил поставку и каждую проходку от грузовика к складу сверлил взглядом пристройку. За это время из нее никто не выходил, хотя дверь была открыта, чтобы хоть немного гонять воздух в невыносимую жару.

— Эй, не считай ворон, — хохотнул Андрэ, развалившийся на скамейке, и стал настраивать радио на музыкальную волну. Как только заиграл инструментальный ансамбль, Андрэ вложил в зубы толстую свежую скрутку и принялся ароматно дымить, дирижируя указательным пальцем.

— А сам ты чего не работаешь? — поинтересовался Макс, поставив очередную коробку у входа на склад и усевшись сверху.

Андрэ рассмеялся.

— Зачем мне работать, когда есть такой замечательный подмастерье? Вроде мозговитый пацан, должен чухать. Де-легируй и властвуй.

— Раз я такой замечательный, как ты говоришь, — растянулся в ухмылке Макс, — Я могу пойти в ангар и заняться реальной работой?

В целом, можно было попытаться увильнуть ближе к пристройке. И тогда обстановка станет яснее.

— Интересно, а сейчас ты чем занят? — наигранно удивился Андрэ и выпустил два обруча дыма.

— Очевидно, самой бесполезной работой, которую может делать даже мальчишка.

— А, ну, сюда подойди, — Андрэ поманил Макса к себе, тот недоверчиво подошел ближе и сел рядом. Мужчина взял сигарету в пальцы и указал ей на машины с поставкой, — Видишь контейнеры с зеленой маркировкой?

— Ну, вижу.

— Во-от, это значитя провизия, чтоб было, что пожевать. Это хорошо, что ты их видишь. Потому что если даже ребенок справится с погрузкой, то я не понимаю, почему они еще там, а не в столовой. Марш работать! — вдруг прикрикнул Андрэ, сверкнув единственным глазом и разразился грудным смехом, когда Макс вздрогнул.

Макс недовольно пробурчал что-то невнятное и закатил глаза. Андрэ научил его паять микросхемы, даже собирать оружие, но все равно поручал только погрузку и сортировку. Это невыносимо раздражало, хоть Андрэ и называл это воспитательным процессом.

— Очередной твой “урок”, да?

Андрэ встал и по-отечески похлопал его по плечу.

— Ну, будешь ты собирать машинки в душном ангаре, и что с того?

— Я буду мастером, смогу реально создавать, покажу, что умею! А так я просто... грузчик.

Макс вздохнул. Его переполняла решимость, и в любую секунду парень был готов сорваться за дроном. Начиная со вчерашнего утра каждая мелочь подбивала доказать всем, что он не бесполезный, не некондишка. Пальцы пронзила дрожь.

— Ты и так лучше многих старых пердунов, которые там проматывают дни и недели. Это тебе я говорю, малец, — Андрэ взглянул на часы, — Ладно, переведу тебя во взрывотехнический, будешь сборщиком. Только когда снова захочешь целый день дышать свежим воздухом да слушать байки любимого наставника, даже не подходи ко мне.

— Серьезно? — Макс расплылся в улыбке.

— Только с октября. До этого момента ты мне еще нужен тут. Все, шуруй на обед, пока не заставил еще и синие контейнеры таскать, — Андрэ подмигнул и направился к своей скамейке.

Радость внезапно ударила в голову. Макс даже хотел переспросить, верно ли расслышал. Но тут взгляд снова зацепился за распахнутую дверь пристройки.

Время обеда, и из нее наконец-то стали выходить программисты в белых халатах. Сейчас или никогда.

Макс прошел в ангар, чтобы не вызывать подозрений, и пробрался к боковым воротам мимо обедавших рабочих, которые сидели на лавках и громко прихлебывали горячим супом. Думать о голоде было некогда. И, поборов волнение, с невозмутимым лицом Макс прошел в открытую дверь при-

стройки.

— Что ж, — вздохнул он и тут же вперился взглядом в полки, — Где контейнер?

Макса охватил приступ паники, когда он вдруг не нашел тот контейнер на самом верху, поэтому он стал судорожно открывать все крышки, до которых мог дотянуться. Он старался делать все быстро, но за шумом сердца в ушах слышал шаги и голоса, приближающиеся к нему.

Ну, все... Парень прижался спиной к стене за одним из стеллажей и задержал дыхание. По виску стекала капля пота.

— Сейчас. Я забыл свой портфель, — раздалось на входе.

Внутрь вошел мужчина в чересчур чистой, будто новой рубашке и гладких брюках и наклонился над одним из столов. Макс задержал дыхание и даже не моргал. Вот сейчас он точно не сможет объяснить свое появление в лаборатории.

Мужчина достал кожаный портфель из-под стола и вдруг пошел не к выходу, а прямо к углу, где стоял Макс, открыл шкафчик и что-то достал с верхней полки.

“Контейнер!” — осенило Макса. Прямо над шкафом тот самый ящик, в котором спрятано ядро дрона. Макс едва не выдохнул от облегчения.

Программист вдруг выпрямился и осмотрелся. Услышал!

— Где ты? — раздалось снаружи, он подхватил свой портфель и выбежал из лаборатории, захлопнув дверь. Макс стоял неподвижно еще несколько мгновений.

Секундой позже нужный контейнер наконец-то был в его

руках, а изнутри парень вынул нетронутые пакеты с деталями и ядром. Облегчению не было предела, однако эти тридцать секунд казались вечностью.

Вернувшись в свой безопасный угол на всякий случай, Макс начал вертеть в руках устройство и размышлять.

— Ведь это должно работать. Наверное, здесь есть механическое воспроизведение? — он нащупал кнопку, затем вторую и взмолился, чтобы это не запустило процесс самоуничтожения. Иначе это будут последние бесславные секунды его жизни.

Прозвучало три сигнала. Макс прислушался. Ничего не произошло.

— Хм, не то...

И вдруг ядро стало что-то громко воспроизводить, и Макс в панике попытался накрыть его курткой, чтобы приглушить звук.

“...Блок 17 под контролем... течение эксперимента благоприятно для... Блок 10 нарушение... Досрочная ликвидация блока 10... Утечка информации... Участников эксперимента приговорить... шифровка 7, пункт 3, принудительная эвтаназия...”

Голосовой модуль затих. Световые сигналы на ядре пропали. Разрядилась батарея. Макс в ужасе смотрел перед собой, вслушиваясь в звенящую тишину.

Блок 17... Это пункт? Не враги. Не противники. Участников эксперимента.

С благой целью

Пролог

Под высокий потолок зала собраний стекались аудиты и журналисты. Между рядами кресел уже начали вздыматься тихие дискуссии, грозящие перерасти в громкие заявления с кафедры, но все затихло, как только свет был поставлен, а камеры начали запись.

На сцену поднялся секретарь собрания, грузный мужчина в костюме, на лацкане которого бликовала брошь в форме герба: горного хребта на фоне закатного неба.

— Приветствую аудитов на ежегодном собрании совета, главной темой которого объявлена очевидная угроза со стороны Восточного Крета, — произнес секретарь, — Прошу всех и каждого соблюдать деловой этикет и выступать соответственно вашему порядковому номеру. Отсутствие аудита в заявленное время считаю пропуском слова.

Секретарь выдержал паузу, расценил молчание, как полное согласие и жестом указал на кафедру, приглашая первого аудита на сцену.

— К услугам народа великой Игнис, аудит Лорем Ранс. Пользуясь правом первого, перечислю последние события, заставившие нас досрочно созвать совет, — аудит, сухой мужчина, с уложенными седыми волосами, вынул из папки

лист, ценность которого была подтверждена печатью, и, набрав воздух в лёгкие, продолжил говорить, — Обострилось положение на границе. Король Восточного Крета потребовал повышенного процента на наши поставки в ответ на запрет перевозки военной техники по торговым путям в Ригале и Омсе. Наши грузы уже трижды подвергались нападению или пропадали без вести, стоило им вступить на территорию Крета. На официальное письмо с запросом подробностей относительно этих происшествий ответа не последовало!

Из разных углов зала синхронно прогудел недовольный и взволнованный шепот.

— Прошу тишины! — повысил голос секретарь. Дождавшись внимания совета, он учтиво склонил голову перед первым аудитом, — Какова ваша оценка происходящего, уважаемый Лорем Ранс?

— Благодарю. Король Дигитус всегда был враждебно настроен к нашей стороне. Несмотря на многолетние торговые отношения, за время своего правления он уже предпринимал попытку диверсии.

— Но это не доказано! — возразили из первого ряда.

Лорем Ранс нахмурил брови и откашлялся в кулак.

— Расследование этого происшествия происходило в строжайшей секретности, поэтому неудивительно, что вы не были ранее ознакомлены с заключением экспертов, уважаемый аудит. Король Дигитус прямо заявил о желании захватить Ригал и Омс, где пролегают основные торговые пути по

воде и суше. Это прозрачный и логичный интерес с точки зрения экономики. И важно отметить, что Восточный Крет уже несколько месяцев стабильно получает помощь с Севера.

— Позвольте задать вопрос, уважаемый секретарь, — невысокий молодой мужчина в коричневом костюме встал и поднял руку.

Секретарь чуть вытянул толстую шею, чтобы разглядеть владельца громкого и уверенного голоса.

— Аудит Леджем Симуланс? — секретарь предосторожительно взглянул на Лорема Ранса, — Совет слушает ваш вопрос.

Прежде, чем озвучить то, что очевидно трепетало в каждом его суставе и мышце, аудит с достоинством вскинул подбородок. Выдержал паузу. Все взгляды и камеры теперь были прикованы только к нему.

— Я предполагаю, что вы настроены агрессивно отреагировать на провокации короля Дигитуса и постараетесь использовать свой авторитет для организации вторжения. Не сомневаюсь, за вами пойдут многие. Ваша позиция первого аудита на протяжении уже нескольких лет, говорит о крепком доверии Игнис, — ровным тоном сказал Леджем Симуланс и не сдержал ухмылку, когда первый аудит чуть открыл рот и возмущенно дернул седой головой, — Однако мы еще не успели оправиться от предыдущего военного конфликта. Не считаете ли вы, что ваша категоричность в этом

вопросе и враждебный настрой игнисцев станет причиной нашего поражения, как на политическом, так и на военном фронте?

— Я понимаю, почему вы озвучиваете столь смелые мысли, Леджем, — пренебрежительно бросил первый аудит из-за кафедры, — Уверенности в этом вопросе вам придает внезапная народная поддержка. Но не обвиняете ли вы меня в авторитаризме или злоупотреблении властью?

— Уважаемый аудит, не было даже мысли. Своим заявлением я лишь подчеркнул вашу силу в политических вопросах. Однако, — Леджем Симуланс коротко взглянул на окружавшие его недоуменные лица, — Вы пропустили самое важное в моем обращении. Я упомянул вопрос ослабленного состояния народа и экономики после войны, которая закончилась меньше года назад.

Лорем Ранс обернулся, чтобы встретиться взглядом с секретарем. О чем-то пошептались.

— Аудит Леджем Симуланас, этот вопрос вы можете подробно осветить в своем выступлении, соответственно вашему порядковому номеру, — сказал секретарь и сделал шаг назад, очутившись за спиной первого аудита.

Леджем Симуланс не мог не отметить возникшее волнение авторитета совета торжественной улыбкой. Он сел в кресло и больше не задавал вопросы, потому что все, чего нужно было добиться на данном этапе, было уже достигнуто.

Соответственно высказанному предположению, Лорем

Ранс призвал совет принять решение о введении военного положения и приготовлении к контратаке. И произвел ожидаемое впечатление. Со сцены его провожали одобрителльные комментарии и согласие.

Секретарь вышел к краю сцены и причмокнул челюстью. Следующего выступающего он объявил не сразу, словно не мог разобрать, что написано в его папке. Тем временем Леджем одернул вниз края жилета, поправил галстук и проверил на месте ли герб на лацкане пиджака. Затем встал и в полной тишине прошел к кафедре. Сначала зал молча слушал стук его каблуков по кафельной плитке, но потом наполнился вздохами и бормотанием. Секретарь указал на кафедру и сделал шаг назад.

Леджем взошел на подиум и охватил взглядом сразу всех перед собой, ни одно кресло не осталось обделенным его вниманием.

— К услугам народа великой Игнис, второй, — он непременно выделил это слово, — Аудит Леджем Симуланс. Для начала я хотел бы воспользоваться моментом, чтобы поблагодарить вас за поздравления. Мне очень приятно занимать столь высокую позицию в рейтинге аудитов. К сожалению многих, отмечу, что я вовсе не покупал голоса игнисцев, — Леджем развел руками. Его ровный голос был спокоен, тем не менее заглушал тихие переговоры в зале, — Я решил не следовать этой давней традиции.

— Позицию в рейтинге можно изменить только голосова-

нием, — один из слушателей встал с поднятой рукой, не попросив разрешения секретаря. Впрочем, тот был не против. — Но я не могу поверить в вашу честность, Леджем. Со сто шестьдесят четвертого места до второго, подумать только! Вам самому не кажется это странным?

Леджем Симуланс коротко улыбнулся, смерив взглядом секретаря, даже не старавшегося делать вид, что испытывает уважение к статусу выступающего.

— Конечно, уважаемый аудит, — кивнул Леджем, — Я прекрасно понимаю ваши сомнения. Однако постоянная работа и честная забота о гражданах дала свои плоды. За долгие годы, кажется, совет стал слушать голос народа сквозь поролоновые беруши. Поэтому ясно, что людям приятно внимание к их болям.

— Я не совсем понимаю, какое отношение количество голосов за вашу кандидатуру имеет к наступающей войне с Кретом, — вдруг высказался Лорем Ранс, откинувшийся на спинку кресла. — Прошу вас, перейдем к теме совета.

— Самое прямое, — перебил аудит и расправил плечи.

— Попрошу тишины и уважения в зале собраний! — громыхнул голос внезапно включившегося секретаря, и все затихли.

— Итак, уважаемые коллеги, я бы хотел вновь поднять идею, которую ранее уже предлагал, и которая была отвергнута советом, — Леджем повысил голос, — Народ Игнис, нашего великого государства, призван Создателем сохранять

мир и порядок на своей земле. И, хочу подчеркнуть, что порядок заразителен. Поэтому следует трактовать нашу цель, как всеобщий мир! И война только лишь отдаляет нас от нее. Мы своими силами строили здоровое общество, но в последние годы лишь губим то, что взращивали столетиями. Моральный дух уже критически низок, а психическое состояние граждан на фоне новой войны может развалить и нашу страну в кратчайшие сроки. В подтверждение своих слов я предоставляю совету результаты психологических и социальных исследований с причинами и последствиями, естественно. А последнее вы можете наблюдать прямо сейчас.

Народ буквально кричит о помощи, поддерживая голосами того, кто их слышит. Вероятно, единственного из всех, кто должен, — Леджем наклонился на кафедру, будто готовый дотянуться до каждого, кто слушал его речь, и заглянуть в глаза, — Вопрос уровня счастья игнисцев! По моему мнению, негативная пропаганда, конфликты, войны сеют в душе человека страх и панику, а следом и ненависть, и агрессию. Такова природа человека — защищаться от страха и нападать от чувства несправедливости и неравенства. Я призываю совет отказаться от сомнительной идеи войны, сосредоточиться на трансляции мира и формировании позитивного мышления у граждан. Кроме того, нивелирование любых проявлений агрессии и катастроф в вещании поможет сократить уровень стресса, а следовательно, игнисцы перестанут прибегать к жестокости! Это увеличит эффективность рабо-

ты, повысит уровень жизни и государственный бюджет. Мы сможем создать счастливое государство! И тогда смысл войны, как способа улучшения жизни, исчезнет, — Леджем развел руками и посмотрел в потолок. Его плечи вздымались от частых вздохов.

— Вы говорите, как человек ничего не смыслящий в политике, — вставил свое слово Лорем Ранс, нарушив тишину, — Такие утопичные и, простите, наивные идеи, если уже совсем не получается умолчать, следует записывать в стол и прятать, чтобы, не дай Создатель, никто не смог прочесть. Люди опираются не только на пропаганду и, как вы сказали, счастье. В культуре заложены сложные социальные структуры, конфликты. Неужели вы считаете, что, просто заменив негатив на позитивное вещание, сможете купировать человеческую суть?

По залу прокатилась волна одобрительного шепота.

— Я согласна с первым аудитом! — Вскинула руку женщина из середины зала, — Желание доминировать — это часть нашей природы. Приостановив трансляцию катастроф и войны, мы лишь создадим иллюзию идеального мира, но не предотвратим их. Мы просто откатимся в прошлое. Как тогда предлагаете объективно судить о причинах и последствиях, которые вы упоминали?

— Да, эта идея — глупость! — возмутился аудит с другого конца зала, посмеявшись, — Ее априори невозможно осуществить в информационном обществе. Люди же не живут

в вакууме. Вы, Леджем, сильно недооценили человеческую натуру! Я вообще не понимаю, почему мы тут всерьез обсуждаем ваши пустотелые домыслы. Учитывая, что год назад мы уже попросили вас не упоминать об этом.

Леджем довольно улыбался и принимал грудью целый град вопросов и обвинений, вообще не меняясь в лице. Казалось, что он не слышит, однако он старался запомнить каждое замечание, ведь все шло по плану.

— Такова человеческая природа, уважаемые аудиты, — раздражающе спокойным тоном проговорил Леджем Симуланс, — Когда люди чувствуют превосходство, с желанием всем его доказать они смело высказывают свое честное мнение, не пытаясь анализировать позицию оппонента. В споре рождается истина, разве нет?

В зале кое-кто рассмеялся. А улыбка на лице Леджема стала только шире.

— Ваше время подходит к концу, — мрачно пробурчал секретарь за его спиной и скучаясь вздохнул.

— Благодарю, уважаемый секретарь. В завершение нашего продуктивного обсуждения, хочу коротко описать свое предложение.

— Продуктивное? — усмехнулся Лорем Ранс достаточно громко, чтобы было слышно.

— Раз вам требуются доказательства моей теории, предлагаю перейти к практике, — развел руками Леджем, — И я гарантирую, она подтвердит каждое мое слово. К то-

му же, мы с вами вместе придумали необходимые условия, — аудиты непонимающе оборачивались и удивленно вскидывали брови, услышав это, — Для начала создадим нужные обстоятельства: ограниченная территория, информационный вакуум, сильная культурная подоплека, социальное равенство. Искусственно, разумеется. Но это вначале. Все искусственное рано или поздно становится естественным, — речь ускорила темп, слова с невероятной скоростью складывались в предложения, обдуманые многими днями ранее, — Подключим распространение нужной информации. И вы увидите. Вы все увидите! Мы построим настоящий культ позитивного мышления. Мы докажем...

— Послушайте, — вздохнул Лорем Ранс, встал и повернулся лицом к залу, — Все, что мы сейчас с вами слышали не имеет никакой базы для существования.

Аудиты молча кивали, шокированные услышанным со сцены.

— Видите ли вы прогресс в этой истории? Нет. Бессмысленная трата времени и ресурсов в такое нестабильное время. К тому же, настоящий прогресс невозможен в искусственных условиях, — Лорем Ранс обернулся к кафедре и прищурился, — То, что вы говорите, Леджем, только подогревает слухи о вашем пристрастии к... — он покрутил кистями, пытаясь подобрать слово, — К прожектерству. Поэтому я вновь попрошу вас закрыть эту тему и задуматься о том, как вы можете реально оправдать доверие игнисцев, которые

голосовали за вас “с криком о помощи”.

— Мне жаль, уважаемый первый аудит, что вы неспособны понять, как сильно ошибаетесь в своем отношении к моим инновациям. И, раз вы отметили большую поддержку от народа, я напому, что теперь могу повлиять на реальность.

Лорем Ранс рассмеялся. Зал поддержал. И его хохот казался Леджему громче любых оскорблений. Наконец, и его спокойствие пошло по шву.

— Все новое, мой юный друг, — это хорошо позабытое старое. А все, что кануло в лету, там и должно оставаться. Запомните это, — снисходительно проговорил Лорем Ранс и пригвоздил второго аудита взглядом.

— Время, — отрезал секретарь с облегчением и указал Леджему на его место в зале. Среди сотни глупцов, смеющихся над ним и его попытками создать лучший мир.

Леджем вскинул подбородок, на его лице растянулась ухмылка, скрывающая его задетую душу. Он уверенно развалился в кресле, купаясь в сотне взглядов. И в целом, не важно, что было в головах тех, кому они принадлежали. Главное, что теперь в их мыслях был только он, второй аудит Леджем Симуланс. В этом зале кто-то мог не знать имени соседа, но каждый знал имя второго аудита великой Игнис, который упрямо идет к миру, а не опускается до тупой жестокости.

Животные показывают клыки для устрашения. Люди — создают армии. Только первые могут лишь инстинктивно

кидаться в случае опасности. А вторые — правильно и, самое главное, вовремя использовать дипломатию. Но до этого нужно еще додуматься. Поэтому всегда проще выбрать более легкий вариант. Легкий с точки зрения умственной деятельности. Хотя отобрать что-то силой дело человекозатратное, зато популярное. Особенно в ситуации, когда ресурс в количественном плане скоро перевалит отметку в десять миллиардов.

Если, отдав мешок муки, ты получишь двадцать мешков, то ты это сделаешь?

Сильный бы ответил согласием, потому что считает, что знает все наперед, все риски просчитаны, лотерея беспроигрышная. И вообще, он смотрит на этот мир чуть свысока, как бы со стороны. Как будто он сам никогда мешком муки не был и не будет.

После собрания совета Леджем вернулся домой и долго смотрел на толстую книгу на полке в окружении растительности в горшках.

— О, Создатель, — вдохновенно прошептал Леджем и довольно выдохнул ноздрями, — Неужели твои творения не желают хоть на мгновение прикоснуться к нашей мечте о мире? Неужели не понимают, что война случится только из-за их ошибочных решений? Или на них сказывается природа Бога, на спор сотворившего существ, которые, по его задумке, не станут воевать друг с другом, но просчитался? — пошутил он, будто болтая со старым другом, — Создавать

очень непросто, в этом с тобой я согласен, несомненно, — мужчина прошелся лейкой по каждому горшку в определенном порядке: сначала четные, потом нечетные, — И как это приятно видеть развитие своих чад. Только... Кажется, чтобы создавать по-настоящему, нужен непременно больший размах.

Лейка очутилась на своем месте, слева на подоконнике, повернутая носиком строго на Восток. А Леджем — в кресле.

— Кажется, только я вижу перспективу в изменении порядков. Я и народ, который яростно нуждается в этом, — Леджем любовно провел рукой по ноутбуку, в котором хранились письма честных избирателей, — В нашем густонаселенном мире уже и шагнуть некуда. Поэтому чтобы построить новый дом, нужно снести аварийное жилье.

Мужчина обернулся к зеркалу, смотря в глаза отражению. Он смотрел пристально, словно пытался изобразить какой-то особенный, многословный и определенно пугающий взгляд. Такой, чтобы даже зеркало немного дрогнуло и замерло в исступлении.

— Они никогда не поймут, — сказал он с преувеличенной важностью, — Путь к исправлению влечет для них потерю власти. Хоть совет и создан для встречи мнений, слушать они совершенно не умеют и не хотят. И вроде бы спорить с глупцом — это потеря времени? — Леджем помолчал, — Но мне остается только доказать важность мира, пока война

окончательно не уничтожила мою землю.

Однако исполнение доказательства пришлось отложить. На следующий день после собрания второго аудита назначили послом в Восточный Крет.

— Будешь вестником мира, Леджем, раз ты так сильно этого хотел, — самодовольно ухмыляясь бросил Лорем Ранс и оставил на столе крафтовый конверт с печатью, — Добейся аудиенции с королем Дигитусом. Хотя так оправдай свою полезность перед народом.

— А если он пропадет также бесследно, как наши грузы...? — уходя из кабинета, прошептал секретарь кашляющим басом.

И Леджем остался один в своем кабинете. Он взглянул на конверт и потер шершавую бумагу пальцами.

— Такова человеческая природа... — прошептал он и бесстрастно взглянул на часы.

Безусловно, отправляясь в Восточный Крет, Леджем знал все наперед, поэтому без доли сомнения вознес себя по ступеням дворца жестокого и непреклонного монарха.

В этой стране за горой все измерялось одним исключительным абсолютом, но было лишено некоторой роскоши, присущей народу пламенных речей и целей, присущей Игнис. Леджем с волнением наблюдал преданность подданных Крета. Безропотность. Безвольность. И с каждой ступенью

он старался выбрать в памяти что-то, подтверждающее его теорию.

Бедные воруют, средний класс зарабатывает, но недостаточно, поэтому тоже ворует, богатые... Но в цепочке социальных столкновений, унижений и страха все они хотят одного — выжить, как человек или личность. Контроль! Вот отличный инструмент для создания крепкого общества. Но не идеальный.

Всегда можно сделать лучше. Леджем уже представил, как с помощью контроля можно создать честное единое общество, которое отличится миролюбием и радостью жизни. Инструмент не поменялся. Но суть...

Идея заколола где-то в середине бедра, перебралась на тазовую кость и больно щелкнула между ребер. Она была уже не только в умной, гениальной голове, но пропитала плоть и скелет целиком. “Если человек не может жить мирно, его нужно заставить,” — вот, как он подумал, не признавая, однако то, ради чего так старался на самом деле, — “И как же тогда люди будут счастливы и благодарны!”

В полете мысли Леджем откинул все сомнения, и перед кабинетом короля Дигитуса не дрогнул ни один его мускул. Аудит потер шершавую поверхность конверта в правой руке и кивнул собственным мыслям. Следом текст переговоров о мире был сложен пополам и утоплен в глубине кармана коричневых брюк.

Переходя от формальности к формальности под высоким

сводом кабинета с хрустальной люстрой и тяжелыми порттьерами на окнах, Леджем Симуланс бегло переключился к сути.

— С вашего позволения, Ваше Величество. Как заслуженный второй аудит дружественного государства я пришел с важным предложением, — смотря снизу вверх на сухого и прагматичного короля в идеальном костюме тройке, Леджем отступил от плана переговоров.

— Относительно товарного соглашения, я надеюсь, — король кивнул, — Слушаю. Говорите, что мне предлагает совет Игнис.

— Ваше величество, сейчас я говорю с вами от имени народа, — твердо сказал Леджем и встретился с удивленным взглядом короля Дигитуса, — Вы получите то, чего желали: выход к морю в Ригале и месторождения железа в Омсе — что обеспечит вам снижение затрат на экспорт и импорт. Кроме того, я лично гарантирую продление товарного договора и пересмотр некоторых его пунктов.

— Вы гарантируете? — король придвинулся к краю кресла, — Второй аудит, значит. И что же вы хотите взамен такого дорогого подарка?

— Игнис требуется смена неэффективного порядка, — громко и четко проговорил Леджем, подняв голову, — А ваше участие сможет обеспечить успех грядущих перемен.

Уверенность разожгла огонь в глазах аудита, он сделал необратимый и, несомненно, значимый шаг.

Король подал знак одному из слуг, и внимательно осмотрел аудита.

— Выходит, вы только что сообщили мне о том, что аппарат власти Игнис ослаблен, второй аудит Леджем Симуланс, — проговорил король Дигитус, а его губы дрогнули в улыбке, — Я обдумаю ваше предложение, сквозь факт того, что я и так могу получить все, что вы перечислили. Если у вас все, предлагаю завершить нашу встречу на этом.

Молния пронзила позвоночник Леджема. Он приоткрыл рот и сглотнул ком в горле. Кажется, король Дигитус лишь смеется над ним. Кажется, король Дигитус на самом деле абсолютно непреклонен. Аудит весь собрался от волнения и внезапного возбуждения, от страха он представлял самый худший исход своей аудиенции, ведь за поступки короля он ответственности не нес. Оставалось надеяться, что удача сопутствовала плану Леджема.

Он поклонился и нервно ухмыльнулся.

— До скорой встречи, Ваше Величество.

Границы настоящего мира

Лопата с силой вонзилась в плотную почву грядки, со скрежетом пройдясь по очередному крупному камню, и Елена недовольно закатила глаза.

— Да сколько можно!

Она хлопнула ладонями, стряхнув с перчаток грязь, и вытерла пот со лба предплечьем. Солнце нещадно палило с самого утра, и, казалось, высушило последствия недельных дождей. Елена размяла плечи и присела на корточки, прислушавшись к разговору девушек рядом. Все были в тонких майках и футболках, с фуражками и платками на головах, иначе это пекло было не пережить.

— Урожай кирпичей собираем, не иначе!

— И не говори, скорее бы осень.

— Пойдем-ка потом на прудик?

— Ага.

— В такую жару поди и кровопийцы передохли!

Они рассмеялись.

Камни, комары и погода. Другие темы за последние несколько часов озвучены не были, но девушка все равно не смогла бы в них вникнуть. За монотонной работой, к сожалению, единственным развлечением было — думать. Надо собрать мысли в кучу и разложить по полочкам. Елена по-

смотрела на несчастный камень и швырнула его в борозду.

Еще утром, ни свет ни заря к дому явились подчиненные Скопика, предвестники неприятностей, и вручили Елене письмо. Чудом не разбудили ни Валерию, ни даже Виктора, а сон у него был чуткий.

Елена протерла глаза и села читать: “Требую немедленно явиться в штаб для изъяснения подробностей экспертизы.” Она мигом оделась и выскочила на улицу. В целом, ничего необычного в этом утреннем приказе не было. Такое часто случалось. Как и всегда, сержант сидел на углу своего стола и читал. Как только Елена вошла, он захлопнул блокнот и положил его за спину.

— Сержант? — Елена подала голос после минуты молчания. Он кивнул и повернулся к ней спиной.

— Я отозвал твои документы и запрет на выход за пределы пункта.

Елена удивленно изогнула брови.

— Спасибо, сержант.

— Посмотрим, скажешь ли ты мне спасибо, когда все-таки сдохнешь, — Скопик резко обернулся и недовольно посмотрел ей в глаза, но потом его лицо снова стало расслабленным. Он закурил, — Ты никак не перестаешь рвать жопу, даже от страха за брата и сестру.

Елена поджала губы от необходимости сдерживать кипящее возмущение. Сержант Ян Скопик, один из людей, решениям которых Елена могла довериться беспрекословно, абсолют-

но по-идиотски распорядился жизнью ее семьи. Может быть Елене показалось, что он попытался назвать свой поступок актом заботы?

— Сержант, вы что использовали моих брата и сестру, чтобы завалить операцию и лишит меня возможности защищать...

— Ты не отказалась от задания, даже узнав состав отряда. Задай этот вопрос себе. Так. Перейдем к делу. Я выделил тебя как доверенного специалиста, так что не подведи меня. Ты включена в программу приоритетного реагирования на случай чрезвычайной ситуации. Помимо неприятных подробностей должности, тебе открыт расширенный доступ к информации.

Скопик сухо расписал список обязанностей и новых дозволений, выдал документы и назначил встречу с неким специалистом, который должен проверить пригодность нового участника секретного спецотряда.

Елена уже собиралась уйти, но остановилась.

— В таком случае, сержант, помните мою просьбу? — тихо спросила она.

Скопик кивнул.

— А, ты об этом... — он подошел на два шага и слегка прищурился. — По фамилии Атталъ ни одного упоминания.

— Вот как...

— Мне интересно, Леман, на что еще ты готова пойти ради этого?

Елена посмотрела ему в глаза и покачала головой. Ян Скопик терпеливо ждал ответа, не отводя взгляд.

— Любой ценой. Поэтому и вы не подведите меня, сержант.

Все развивалось ожидаемо, однако Елену душила нарастающая тревога. Теперь ей придется вычислять нарушителей, которые, например, распространяли запрещенную литературу. А что делать, если нарушитель спит с тобой валетом на диване и прячет улики в соседней комнате? Этот вопрос мучил ее до сих пор.

Именно Валерия волновала Елену больше остальных в последнее время. Сначала чтение безобидных любовных сказок, потом выход за пределы пункта, ее странные вопросы вчера. В ней проснулась какая-то особенная нервозность и стремление надеть глупостей. В этом они с братом похожи.

Девушка запрокинула голову и зажмурилась от солнца.

— Елена! Елена, послушай! — донеслось из-за спины.

Валерия бежала между теплиц, вызывая своим криком всеобщее внимание: заскучавшие огородники оставляли свои дела, с интересом провожая ее взглядом. Когда она приблизилась к грядке, то остановилась и уперлась руками в колени, часто дыша. Ее раскрасневшееся от бега лицо выражало смесь ужаса и вины.

— Что случилось? Тише, я здесь. Отдышись. Держи, — Елена подскочила к сестре, скинула перчатки и зачерпнула из ведра воды ковшиком, а та выхватила его трясущимися

руками и выпила, чуть не захлебнувшись, — Сядь. А теперь спокойно. Что-то с Виктором? С Максом?

— Нет, — выдохнула Валерия и послушно села на перевернутое ведро, — Вот.

Валерия вытащила из рукава сложенный в несколько раз листок, развернула его и чуть не ткнула в лицо Елене.

— Вот. Я тебя очень прошу, — тараторила Валерия так, что за словами было не угнаться, — Елена, пожалуйста, выслушай меня. Это важно, я знаю, что ты будешь злиться, но я тебя очень прошу. Я нашла это в...

— В той книге... — Елена широко раскрыла глаза ихватила листок, а затем смяла в кулаке. Она обернулась. Как минимум пять голов направлены в их сторону. Успели ли они заметить? Слух заполнил стук собственного сердца, грудное мычание коровника и дыхание. Елена закрыла глаза и глубоко втянула воздух носом, — Какого хрена это здесь делает, Валерия?

Валерия отпрянула, в ее серых глазах мелькнул ужас.

— Прочти, пожалуйста... — прошептала она с мольбой.

— Вы в порядке? — обеспокоенно прокричал управляющий огорода от теплицы неподалеку. Елена встряхнула головой, спрятала кулак с листком в карман и буднично вздохнула.

— Да, это семейные неурядицы. Не беспокойся, спасибо!

— Ну, смотрите!

Только когда управляющий подал остальным знак возвра-

щаться к работе, Елена присела на корточки и заглянула в глаза Валерии, пытаясь отыскать там хотя бы долю здравого смысла. Однако пришлось взять себя в руки.

— Ты клялась мне, что все будет в порядке.

— Но ты не представляешь, что я нашла.

— Нет ничего, что могло бы заставить тебя притащиться сюда с этим, — выдавила Елена сквозь зубы. — Сейчас ты делаешь вид, что плачешь, и мы отходим к забору за сарай.

Взгляд Елены был холодный и обжигающий одновременно, будто она смотрела на врага, подставившего нож к ее горлу. Она подхватила Валерию под руку, а та сначала замешкалась, но потом изобразила плач, повинувшись приказу. Когда девушки скрылись в тени яблони, грядки оказались достаточно далеко. Валерия вжала голову в плечи и обхватила левый локоть.

— Говори.

— Елена...

Валерия сглотнула, чувствуя, что слезы вот-вот могут стать настоящими, но собралась и твердо, насколько она могла, сказала:

— Ты должна прочитать это. Прямо сейчас.

Елена несколько секунд смотрела на нее, не моргая. Потом неоднозначно хмыкнула, осмотрелась и вынула листок. На мятой потертой странице черной ручкой были выведены печатные буквы, ровные, обдуманнные, неторопливые. Легкие, будто человек совершенно не давил на бумагу. Это бы-

ла не книга, а чьи-то записи, когда-то обернутые в красивую обложку, которую Валерия оставила в болоте.

“Солдат Крета бросился прочь, а потом встал на колени и попросил прощения. Я убил его. Жалею о том, что не смог расспросить как следует. Он хотел рассказать мне какую-то правду. Я тогда не понял, но сейчас... сейчас понимаю. Правду о подражателе закона, о том, кто начал этот сраный эксперимент. Страшнее всего, что я даже не подозревал об этом раньше. Я думаю, что схожу с ума. Но до тех пор, пока они меня не заподозрили, я буду копать. А если все остальное, что я слышал от Л, тоже правда? Она на самом деле уже пыталась перейти через хребет? Если так, то весь мир — это сплошное сумасшествие. Одно я знаю точно: за мной придут. Рано или поздно.”

“Да, пыталась”, — мысленно ответила Елена, прожигая взглядом текст. Откуда?.. Этого автор дневника знать не мог. Только если ему не рассказали о преступлении Лилии... Кого он называет подражателем закона? Эту женщину, которая повела людей на смерть ради мистической идеи? Такие слова даже мысленно произносить опасно, а сейчас они в ее руках. Елена прочла еще раз, свернула листок и подняла глаза.

— Сожги это.

Она смотрела в пустоту перед собой, ее взгляд метался из одного угла в другой, а голос стал тихим, полным воздуха и совершенно лишенным твердости. Губы почти не двигались. То, что она прочитала, больно забилося где-то в горле.

— Это не все, страницы не по порядку. Это дневник какого-то солдата из Бротлэнда. Там столько всего, Елена, он написал про людей, которые следят за нами, про камеры, блоки... Он знал, что Бротлэнд уничтожат.

— Остановись...

— Он написал, что его разбомбили из-за знания. Что это потому, что люди хотели перейти границу, чтобы...

Елена притянула Валерию к себе и вложила в руку скомканную страницу. Они смотрели друг на друга будто пытались общаться мыслями. Елена покачала головой.

— Это слова параноика, который угадал свою судьбу. Но даже из его сумасшествия ты должна вынести урок о том, что эти мысли смертельны.

— Он не сумасшедший, — уверенно сказала Валерия, — Я знаю. Я видела тех, кто с ним бы согласился.

— Да, и где они сейчас? — Елена отстранилась.

— Лилия сказала, что она все знала, этот солдат пишет о том же, некоторые мои пациенты иногда говорят вещи, которые не могло бы знать так много людей! — Глаза Валерии загорелись, она взяла Елену за плечи, — Это звучит очень странно, я знаю. Но только до тех пор, пока не начинаешь думать об этом серьезно. Ведь я... Да все мы... Знаем только то, что пишут в газете или по радио передают, даже про Бротлэнд в день Памяти рассказали лишь полуправду. А если все-таки... Мир не такой, как нам кажется?

Елена обернулась, возле теплиц так же возились огород-

ники в шляпах и косынках, за домами виднелась крыша ангара, на горизонте — великий Скалейный хребет. Но от его вида не стало легче. Он стоял неприступным барьером, за который ни разу не заглядывали глаза игнисцев.

— А что если такой, какой есть? — Елена посмотрела на нос своих ботинок, пытаясь распутать рой мыслей в голове. Однако узел только крепче затягивался, а в памяти вспыхивали детали. — Ты стоишь на этой земле, живешь в нашем доме, училась в нашей школе, лечила солдат, которых ранили кретовцы. Наш мир — вот он весь.

— А я попробую узнать, что там, дальше. Я хочу попробовать. Стали бы все эти люди так рисковать ради худшего исхода? А вдруг... Так я и найду маму и папу?

— Вдруг? — Елена нахмурилась и закрыла глаза, — Это все теория, ясно? Это мечты о лучшем мире. А кто не мечтает? Валерия, забудь об этом. Твои родители никак не связаны с тем, что тут написано.

— Я уже устала просто ждать! — Валерия почувствовала, как потекла слеза, и тут же стерла ее тыльной стороной ладони, — Я хочу сделать хоть что-то, хочу, чтобы... Если они уже исполнили судьбу Создателя, если умерли, то не просто так. Хочу однажды написать маме, что я искала ее и нашла, что мы с братом вместе, что живем рука об руку и никогда их не забываем.

Елена прижала руку к груди и зажмурилась.

— Если твоя мечта будет стоять вам жизни, это глупость.

— А для чего ты тогда бесконечно рвешься наружу? Для чего постоянно в бинтах? У тебя уже две пули вынули. А если одна из них попадет в сердце?

— Да чтобы вы никогда не оказались на моем месте! Я тебя послушала, — Елена подняла лицо Валерии за подбородок, а потом вытерла ее слезы, — А теперь послушай меня, ладно? Пообещай мне, что забудешь обо всем, что узнала.

— Не могу.

— Сделай это ради меня.

— Могу сказать, но это будет пустым обещанием. — Валерия шмыгнула носом, — Я обещаю, что буду осторожна. В этом дневнике могут быть ответы, поэтому я попытаюсь собрать его по кусочкам. Мне... Мне страшно, что это так... Поэтому если это написал сумасшедший, то надо проверить наверняка. А если нет — нужно узнать, кто такой этот подражатель закона.

Валерия коротко улыбнулась. Ее глаза покраснели и опухли от слез, но все еще сияли. Она, казалось, готовилась прямо сейчас перейти любые преграды так же спокойно, как сейчас уходила сквозь поле. Елена закрыла лицо ладонями и вдохнула их землянистый запах, чтобы успокоиться. Оказывается, Лилия начала создавать проблемы раньше, чем сбегала от них. И теперь не найти ее было бы преступлением против самой себя. Кто еще мог быть загадочной Л из записей, как не предательница с собственным взглядом на мир?

И Валерия уже ступала на тот же путь. Валерия, которая

перешагивала окученные кусты озимой картошки, не оборачиваясь.

Ноги сами понесли Елену домой. Желудок сжался, а каждый шаг стал невероятно тяжелым. Лицо не выражало ни единой эмоции, однако внутри нее что-то бушевало, готовое вырваться наружу.

Она тихо прошла через пустую мастерскую, вошла в кухню и закрыла дверь. Выдохнула.

— Виктор? — позвала она, на что ответом была тишина.

Елена зачерпнула чайником воды из канистры и поставила его на плиту. Повернув переключатель, она поняла, что газа не было. Села за стол и уперлась лицом в ладони, мир вокруг словно померк. Шумное дыхание обдавало жаром кожу. Напряженные пальцы впились в лоб и скулы. Она перестала дышать, сердце глухо ударило в груди, будто замедляясь. В темноте стали вспыхивать образы: вокруг много людей, все куда-то спешат, их лица стерты, льет дождь, а под ногами — лица Валерии, Макса, Виктора, пробитые пулями. И мама.

Вдох. Елена протерла лицо ладонями, проморгалась мокрыми ресницами, отгоняя кошмар, и прикусила большой палец правой руки.

— Что ж.

Она довела свое отяжелевшее тело до комода и уперлась лбом в стену, найдя взглядом уголок бумажной стопки в ще-

ли. Достать и уничтожить.

Хлопнула дверь.

— Ох-ох-ох, дочка! — В комнату ввалился Виктор, торопливо отряхивая ладони, а Елена отпрянула от стены и медленно обернулась, — Случилось шо-ль чегхо? Бледная вся, а ну-ка, сядь, сядь.

Старик бросил рюкзак у входа и аккуратно усадил девушку на кровать, проводя за плечи. Он развел руками, шевельнув губами в непонятном жесте, а потом поторопился принести ей воды.

— Ты нездорова?

— Я в порядке, Виктор. Спасибо, я устала, наверное. — Елена взяла кружку обеими руками, но пить не стала. Виктор сел рядом и положил руки на колени, тревожно вздрогнув плечами.

— Да, ну, я ж вижу, шо-то не так. Расскажи деду, кхто обидел, а? — пушистые брови Виктора поднялись, а влажные глаза постоянно бегали, изучая фигуру девушки.

Елена закатила глаза и сморгнула пелену. Когда Виктор оказался рядом, как-то потеплело, а кожа лица стала возвращать свой привычный цвет.

— Я... Я не знаю, ну... — она пожала плечами и покачала головой, а Виктор терпеливо ждал, — Все идет не так, как я планировала. Я должна была многое сделать, но в итоге это будто ускользает у меня из рук. Я как будто пытаюсь вычерпать воду из пруда голыми руками, потому что думаю, что

на дне найду что-то очень важное. Но начинается дождь, и пруд становится больше и больше, а потом остается только захлебнуться в нем, — Елена сжала воздух в кулаки, — Я пытаюсь плыть, а все, кто был рядом, тонут. Потому что я не справилась.

Виктор положил ладонь на ее спину и мягко погладил. Он кивал и покачивался на кровати.

— Ох, дочкха. Ты же не виновата, шо другие не умеют плавать, а?

— А что если я с самого начала знала, что так будет? — Елена посмотрела на его лицо, испещренное морщинами-лущиками.

Виктор прищурился и кивнул, пошевелил челюстью. Он будто ответил что-то сам себе.

— Да... Иногда, хочется позабыть все, шо ты знал и видел. Надейся на лучшее, а не то... — он посмотрел в пустоту, может быть, что-то вспомнил, и встал с кровати, покряхтев от боли в пояснице, — А я вот пряникхов сейчас напеку, сразу настроение будет.

Виктор подмигнул Елене и погладил свою пушистую бороду.

— Тебе самые горячие будут.

Елена коротко улыбнулась ему, а потом вновь взглянула на комод.